

ДАНИЭЛЬ КЛАРЕНС

О чем говорят чернила

*В начале
было слово,
и у слова была
сила. И первое
слово знали все,
ведь запомнить
три буквы не
так и сложно...*

*Но история
умолчала о
последнем
слове*

Даниэль Кларенс

О чем говорят чернила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72588406

SelfPub; 2025

Аннотация

В беспокойном городе Рондарк стало еще беспокойнее. Прямо на рыночной площади взорвался человек, чем запустил череду событий, которая привела к двум революциям, к тому, что начали сбываться древние предсказания, к воскрешению пары легенд и, самую малость, к апокалипсису.

Героям придется продраться через трудности и собственных демонов (в прямом и переносном смысле). Их было трое: Сим, Ворон и Левитан. Один из них в прошлом вор и мошенник, а ныне известный городской сыщик. Второй вернулся с войны в родные края ради мести, но нашел нечто большее. А третий... герцог, писатель, ученый, ловелас, плейбой и филантроп. Его цель – раскрыть все тайны Рондарка и описать их в своем сборнике фольклора...

Но тайны такого уровня записываются другими – совершенно иными словами.

Содержание

Глава 1...	4
Глава 2...	55
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Даниэль Кларенс

О чем говорят чернила

Глава 1...

В которой читатель узнает по каким причинам взрываются люди и познакомится с очень славным (нет) городом Рондарк, где начинаются беспокойные времена (они и до этого были не очень спокойные).

Чибис суетливо переминался на руке одной из мрачных горгулий. Малиновые лапки быстро–быстро метались вправо–влево по каменному предплечью, а зоркие черные глазки выглядывали на базаре то, что можно предварительно стащить, съесть, переварить и желательно не умереть. Так уж вышло, но рынок Рондарка стал тем местом, где можно найти что угодно. В том числе, и свою смерть.

Но местные по этому поводу сильно не волновались, давно прознав глубинную истину мира, в котором жили: умирают только глупые и слабые. А еще те, кому не повезло. Слабыми и глупыми назывались Те, Другие, кто не подходил под обозначение «Я», а если так уж вышло, что умер ты... то выходит – не повезло.

Пернатый охотник высмотрел между ног проходящих существ краюху чего–то хлебобулочного и аппетитного, на-

прыгся всем телом, расправил крылья, согнул лапки...

...каменная рука схватила его поперек туловища и сунула в такую же каменную пасть. Послышались чавкающие звуки, а затем культурное урчание давно пустующего живота. Горгуля громко срыгнула, втянула грудью побольше влажного уличного воздуха и снова засела в засаду. Трапеза изменила угрюмую физиономию каменного чудища на улыбку, и фасад юридической конторы «Рэдрик, Пэм и Рыжие» стал чуть-чуть приветливее.

А вот у цокольного этажа конторы, аккурат под местом, где завела себе охотничье угодье горгуля, что-то заскрипело, заёрзало и зашумело. Следом послышался тупой лязг и скрежет. Удар. Каменное чучело, в которое некогда вдохнули не только жизнь, но и праздное любопытство, посмотрело вниз и увидело человека, заляпанного нечистотами. Одежда плотно облепила его тело, став второй морщинистой кожей. Единственное, что выделялось, – это куртка, в которой не доставало одного рукава.

–Крр–рас, кардум ггарк! – прошипел сквозь губы человек, выплевывая из своих недр пауков, тараканов, жужжащих слепней и волосатых слизней.

Естественно, на чужие страдания в Рондарке никто внимания не обращал. Так уж заведено у любой разумной расы – спасение утопающих, дело рук самих утопающих. Впрочем, многие теологи и философы впоследствии часто задавались вопросом – можно ли после этого назвать эти расы разум-

ными. И пришли к выводу – да. Потому что разум и мораль стоят на разных концах оооочень длинной палки. И быть разумным не всегда означает быть человеком. Человеком в самом широком смысле.

Пришелец кашлянул. Из его рта вылетела порция серых бабочек и улетела вверх, к солнцу... но, коснувшись утренних лучей, тот час рассыпались в прах.

– Дорд'карк вандурм... – судя по интонации, человек ругался.

К сожалению, или даже, к счастью, языка, на котором проносились слова, не знал даже его носитель. Скорее, косвенно улавливал ассоциативные ленты и обрывки значений, но не больше. Не знал он и где находится, для чего существует и что его окружает. Более того, все перечисленное его пугало, а все, что имело значение, умещалось в его руках. Книга. Огромная книга со старинной обложкой из кожи. Что важно – человеческой кожи. Края этого гримуара были зазубрены на манер зубастой пасти, в которой язык играла красная ленточка закладки.

Человек снова кашлянул. На этот раз из него вылетела семейка сплетенных хвостами крыс, и, рухнув на камень, принялась беспомощно тянуть друг друга во все стороны. Их создатель какое-то время наблюдал за происходящим, а затем булькнул, икнул и поднялся на ноги. Книгу он так и прижимал к себе, как мать может прижимать к себе родное дитя. С губ срывалось неясное бормотание, вроде детской колыбель-

ной или считалочки.

– ПОДХОДИ, ПОКУПАЙ! ПОПУГАИ КАКАДУ ЗНАЮЩИЕ ДЕСЯТЬ МАТЕРНЫХ СЛОВ! ХАМЕЛЕОНЫ–НЕВИДИМКИ! РЕПЧАТЫЙ–ПЕТУХ С БОЕВОЙ АРЕНЫ! – кричал зазывала, стоя на бочке и рекламируя товар.

Попугаи пользовались всем своим лексиконом, чтобы выразить недовольство в отношении хозяина. Хамелеоны–невидимки, как и полагается, были невидимы и держались тихо... если вообще существовали. А боевого петуха, как вовремя сообразил торгаш, выпускать из клетки – плохая затея.

Людей вокруг диковинного торговца собралось немало, и каждый посчитал своим долгом бросить пренебрежительный взгляд в сторону хромающего человека, от которого безбожно несло помоями. При свете дня появляться в таком виде на городских улочках – верх бескультурщины. Ночью – другое дело. Ночью за подобный вид всего лишь можно было заслужить пеньковый галстук и пару сломанных костей, но день приносил на улочки Рондарка крупницы того, что культурологи называют цивилизацией, а местные жители иногда принимали за очень неприличное слово.

Пришелец успел пройти к центру площади, прежде чем книгу заметили местные доходяги из гильдии воров. Первым это сделал мальчишка–карманник, рыжий и чумазый; его звали Тимми. Наставник Гордлик всегда говорил ему,

что ценные предметы – это не всегда серебро или золото. Порой, редкая старинная книга может стоить свой вес в золоте! А Тимми верил наставнику Гордлику. И верил, что старая, потертая книга, которую обнимают с той агрессивной нежностью, может быть не просто ценной – она может быть очень ценной. Именно поэтому информация о книге и её незадачливом обладателе тут же была передана верзиле, работающему на подстраховке.

Выходец канализации почти просеменил до лобного места Рондаркского базара, но врезался в тело перед собой. Ему пришлось посмотреть вверх, а затем ещё раз вверх, прежде чем пожелтевшие глаза увидели лицо того, кто преграждал дорогу. Выглядело оно так, словно принадлежало или крайне уродливому представителю людского рода, или очень симпатичному троллю: поломанные уши, бородавки на всю правую щеку, шрам на третьем подбородке... если считать сверху.

– Будь здоров, добрый человек, – сказал великан, и звали этого великана Добби. И Добби умел улыбаться бодрой дружелюбной улыбкой, которая обладала «перспективой возможного хорошего исхода». Именно эта улыбка заставляла людей думать, что после встречи с этим великаном, они смогут уйти на своих двоих и с целыми костями. – Хм, да ты вроде не местных будешь. Слышал, мож, но среди наших надо пошлину платить. За защиту, стал быть. Не слышал? Какая жалость... у нас тутачки в Рондарке платить надо за

все, коли жить хочешь. Но есль...

Незнакомец из канализации кое-как разжал пальцы на одном из торцов книги и медленно, дрожа всем телом, сунул руку в глубины своего кабата. Добби уже собирался как следует втолочить бессмертного туриста кулаком в землю, но... в протянутой руке оказался значок. И эта серебряная плямба, с изображенной на ней летучей мышью, привязывала парня к определенному ремеслу и определенному цеху. Его, Добби, цеху – воров, карманников и мошенников. А значит бить его было нельзя... никак нельзя. Серебряные значки носили только маститые профи своего дела, которые заслужили репутацию и имя. Но этого вора Добби не знал, и лицо ему было незнакомо.

– Орн’тур де крерорн’тар, – пробормотал человек, но значка не опустил.

Ему понравилось, как Из-за плеча великана выглядывало утреннее солнце, и то, как оно расцветало бликами на серебряной бляшке. Белый диск, разгоняющий по темным перелкам ночной туман, нежно касался кожи теплыми щупальцами, а затем эта кожа впитывала тепло, насыщалась. Наполнялась каждой порой до краёв, заставляя трястись и колотиться, словно от холода. Книга у живота вдруг стала теплой. Даже горячей. Кажется, она разговаривала на том же языке, на котором разговаривал и сам вор.

Солнце стало ещё ярче. Люди на базаре притихли и обернулись, когда сгорбленный человек со странной книгой по-

тянулся рукой со значком к небу. К солнцу. Они видели, как меняется и надувается его лицо. Видели, как покрывается пузырями указательный палец. Как выпучиваются и наливаются кровавыми пятнами глаза. Как перемежались и извивались вены под кожей на худощавых руках.

Мимо пролетала бабочка—адмирал. Она мелькнула около уха Добби, несколько раз подпрыгнула в воздухе вверх—вниз и осторожно, как могут садиться только бабочки, приземлилась на кончик серебряного значка.

А затем человек взорвался.

Его тело брызнуло в разные стороны разноцветной жижей, и все, чего эта жижа касалась, начинало плавиться и погибать. Добби умер мгновенно: на его лице застыла маска опаленного черепа. Хныкал и плакал Тимми. Ему опалило правую часть лица и руку. Не прошло и пол минуты, как его сердце ударило в последний раз. Тоже самое случилось с каждым, на кого попала хотя бы капля кислотной жижи. Люди падали, спотыкались о тела, снова падали и катались по брусчатке.

Кутерьма захватила и опустошила базар в считанные секунды. Самые смелые, убегая, стаскивали с прилавков все, что помещалось в руки. А потому очень скоро площадь опустела и превратилась в кладбище, где только мертвецы обменивались немymi вопросительными взглядами.

И в центре сего разбитого хаоса лежала нетронутая никакими неудобствами книга. Она зарылась в лужу желтой

субстанции и тихо–тихо вибрировала. Затем замерла, и по контуру всей нижней части у неё выползли сотни маленьких черных ножек. Перебирая ими, словно сколопендра, книга поползла вперед, оползая тела, пролезая под прилавками, разбросанными кабачками и морковью, между охотничьими манками и свистками; деревянными блюдечками и ложками. Очень скоро книга добрела до одного из прилегающих к базарной площади домов и поползла вверх по стене...

Горгулья, украшавшая фасад юридической компании «Рэдрик, Пэм и Рыжие», всё ещё улыбалась. День выдался славным, обед сытным, а погода теплой и ясной...

***

Солнце ещё даже не успело доползти до зенита, как на базарной площади Рондарка развернулось «следственное дело». Никто не знал и не мог сказать, почему оно следственное и почему хождение взад–вперед представителями власти можно назвать делом. Каждый, кто слышал о случившейся истории, или, того хуже, видел ее своими глазами, конечно же, понимал, что здесь замешана МАГИЯ. Так уж вышло, что люди по природе своей существа не взрывоопасные, если не брать в расчет отдельных представителей религиозных культур. А посему делом этим должна заниматься не стража, а самые настоящие волшебники.

Все, кого сегодняшней день не обременял необходимостью работать, наблюдали за работой стражи с надлежащего расстояния. В толпе блуждали огненные шепотки: тысячи,

если не миллионы, версий произошедшего, где каждый видел что-то свое. Слова смешивались в неплотный хоровод и плясали на костях минувших событий, извращая реальность в карикатурную картину, где от истины оставался только скелет. И тот поломанный...

Под неугомонное блеяние, всхлипы и плачь из арьергарда народной массы выбиралась худощавая, рослая фигура:

– Можно пройти... прошу прощения... премного извиняюсь... – говорила фигура в полной уверенности, что пару мгновений назад она случайно пнула ребенка. Кажется, тот плакал, – Благодарствую...

Наконец-то бунтарь протиснулся сквозь остатки толпы и вывалился рядом с полицейским оцеплением. На их фоне он выглядел неубедительно. Сим Воленс всегда выглядел неубедительно на фоне других людей и считал, что это одна из лучших его черт. Привлекать внимание – значило стать его центром, а в центре внимания очень часто бывает слишком жарко для интроверта. К тому же, не внушающий внешний вид, а, скорее, внушающие внутренние возможности превратили Сима в крайне важную и ценную шестерёнку в работе города.

– Полагаю, э-э, сержант Шейлон и сержант Сигур, – обратился к полицейским Сим Воленс, слегка приподняв с косматой головы восьмигранку. – Очень удручён... э-э, сложившейся ситуацией. Вероятно, очень сложно нести бремя службы после того, как оставил в «Загнавшемся кабане» по-

ловину, э-э, полновесного безанта.

Оба полисмена переглянулись и взглянули на пришельца иначе. Один из них присмотрелся и сплюнул.

– Сказал бы сразу, что от господина Рамы, – буркнул сержант Шейлон и отошел чуть назад, освобождая путь. Сигур такой сообразительностью похвастаться не мог, и ему пришлось помочь: – Не тормози! Это Сим! Сим Воленс! Сим Всезнайка. Вспоминаешь? Его ещё чуть не казнили год тому!

– А, ага. Вспомнил, – запоздало ответил Сигур и отошел в сторону.

Он солгал. Ничего такого он не вспомнил. Да и память на имена у сержанта была откровенно никакая. После хорошей пьянки, которая была не так давно, он и свое имя вспоминал не сразу. Что уж говорить о казни годичной давности. Они в Рондраке случаются по пять раз на неделе...

Сим Воленс, втянув в плечи голову, протиснулся между двух стражников... «..чуть не казнили год тому» – эта фраза вызвала в нем противоречивые чувства. Он навсегда запомнит ноющее, зудящее чувство на загривке в момент, когда палач заносил топор. Навсегда запомнит момент, как предательски расслабился его мочевого пузырь, а с губ сорвался протяжный свистящий звук. Но больше всего он запомнит то, как в последний момент мелкий коротышка взвизгнул: «СТОЯЯТЬ! ПОМИЛОВАН!». Этот день Сим Воленс празднует как свой второй день рождения. Даже, скорее, день перерождения. Ведь старый Сим Всезнайка умер там,

на плахе, и больше не занимался ни крупными мошенничествами с подделкой векселей, ни махинациями со старыми гроссбухами. Лишь иногда баловался подсчетом карт в игорных домах, но делал это на символические суммы, и, в основном, чтобы не растерять хватку.

Единственное, за что ему было жаль, так это за талант актера, который давался ему лучше чем кому-либо. Сыграть аристократа, тупого наемника, книжного червя или клерка, он мог все перечисленное сделать легко и со вкусом. Но после «казни» ему мягко намекнули, что нужно быть «настоящим», и это «настоящее», как оказалось, очень часто заикается и не понимает, что именно Сим Воленс должен сказать или сделать. А каждый раз, когда появляется желание скопировать чьи-то повадки, на загривке появляется легкое зудящее чувство приближающегося топора...

Сим прикрыл нос ароматической тряпицей со вкусом шалфея. У его ног лежал рыжеволосый мальчик с опаленным лицом и рукой. Один его глаз был открыт и смотрел прямо в душу. Но сама душа мальчишки пахла ужасно, напоминая ядрёную смесь этилового спирта, крови, пота и желчной кислоты. Воленс едва не выплюнул содержание своего желудка...

Но не-е-е-ет, нельзя. Сим должен смотреть на ситуацию во все глаза, чувствовать это место, раскинуть сети своего внимания по самым мелким деталям и слушать, пока ниточки этой паутины не начнут дергаться. Эди Рама требовал от

него детальный рапорт происходящего. Естественно, у градоправителя уже было не меньше десятка рапортов на руках от иных осведомителей, но наиболее полный, чистый и цельный мог предоставить только он – Сим Воленс.

У него был дар помнить, сопоставлять и видеть то, что не видят другие. Немного внимательности, немного любознательности, приправа из хорошей памяти и получается взрывной коктейль, который защищает своего носителя не хуже, чем зубы и когти первобытного хищника.

– А, это ты Сим, – со стороны лотка с самоткаными амулетами вышел человек в синей форме стражника. На голове его громоздился потертый шлем и принадлежал он капитану Рони Айланду. – Давно господин Рама не выпускал тебя из загона. Соскучился, наверное, по человеческому обществу. А?

– Пожалуй, общество – это, э-э, единственное, по чему я бы скучать не стал, – признался Сим и поджал губы. Ему было не по себе. – И... осторожнее. Ещё шаг и ступишь в чью–то, э-э, интеллектуальную собственность...

Речь шла о сером веществе, которое вытекло из оплавившейся черепной коробки прямо к начищенному берцу капитана стражи. Последний выругался и сделал шаг назад, едва не наступив в чью–то брюшную собственность.

Голос Сима звучал робко. По натуре он не выделялся эпатажной внешностью или хоть чем–то, что отдалённо могло привлекать внимание. Мимо такого человека пройдёшь и

потом никогда о нем не вспомнишь. Серая мышь среди таких же серых мышей.

– Полагаю, э-э, детонация произошла здесь, – Сим Воленс вышел вперед. Туда, где желтое пятно оплавившегося камня уходило наиболее глубоко вниз. – От одежды одни клочья... Надеюсь, власти уже отправили осадок с реагента на анализ местным алхимикам?

– Штатный алхимик произвел все необходимые проверки, – Рони Айланд поравнялся с Симом. – Плавиковая кислота с какими-то добавками. Мой сотрудник говорит, что больше мы узнаем только если отправим образцы в Ведокторию. В этом явно замешана магия. Личность взорвавшегося мы опознать не смогли. От него осталось... хех, только мокрое место.

– Нет предположений? На моей памяти, э-э, взрываться имеют привычку выходцы из культов Рины, Шабхисавы и Дондры. Из тех, что поближе к нам. Террористические организации, э-э, в расчет не берем... Рондарк, сам по своей сути террористический город, и больше террора, чем делают местные, э-э, ни одна организация сделать не сможет. Да и не захочет, э-э, соперничать с законопослушными гражданами. Проиграют.

– Не могу знать, Сим. Почти все, что было при подрывнике, расплавилось. А по словам очевидцев, они видели ни то демона, ни то ангела. Пара священников с Пролетарной улицы подрались на этой почве и сейчас дискутируют на сту-

пнях при Семерых... Вроде как, неправого должна ударить молния.

– Это очень занимательно... – легко солгал Сим. – Очень занимательно...

Все внимание Воленса было направлено на центр желтого, выевшего камень пятна. Рукой он все ещё прижимал к носу тряпицу, но даже сквозь неё запах серы обжигал слизистые.

Нужно работать, думал Воленс, нужно думать... И шестеренки внутри него завертели медленно, чтобы не перегреться, набирая скорость.

Сначала в центре желтого пятна появилась фигура. Бесцветная, полупрозрачная. Это был, скорее всего, мужчина: ни один из очевидцев ни разу не сказал про кого-то женского рода. Следом фигура выросла полностью, материализуясь перед глазами Воленса едва ли ни в физическом обличии. Но она не стояла ровно. Нет. В его позе было что-то возвышенное. В толпе звучали слова «тянулся к солнцу», «поднял руку и как ДАЛ заклинанием».

Воленс дал новую корректировку своей фантазии. Фигура теперь стояла на носках и тянулась... на восток. Там восходило солнце. Для некоторых культов это имеет значение.

«Да это просто хромой убудок. Он напился магической бурды с Кхьерской улицы, вот и...» звучало в разных вариациях. То, что некоторые принимали за «демоническое» проявление, можно в том числе назвать недугом. Демоны всегда выглядели нездорово. Как и ангелы в определенных религи-

ях. Святость иногда предполагает слишком увлеченное изнурение плоти: терновые венки, колючие проволоки на поясе, самоудушающие ремни, плети.

Теперь белая фигура слегка горбилась. Но рука...

Сим нахмурился и посмотрел на руку. Придуманый им силуэт прижимал свободную конечность к животу. Казалось, он хотел втиснуть в себя что-то. Конкретно этот жест иллюзии не был продиктован догадками или подозрениями. Зная себя, Воленс понимал, в чем дело. Такое случалось, когда его догадки были близки к правде. Фантазия подстраивалась под минувшую реальность, давала подсказки и говорила, что путь был избран правильно.

Сим сделал пару шагов вперед и поднял руку, занимая место своей выдумки. Чего-то не хватало. Какой-то детали. Так чувствуется орфографическая ошибка в слове, которое написано «некрасиво». В руке подрывника явно что-то было... и это что-то мелодично отражало солнечные лучи. Блик. Красивый.

При чем тут бабочка?

А затем Сим взорвался...

Но не на самом деле. Только у себя в голове. Какое-то время ему понадобилось, чтобы прийти в себя и принять тот огорчающий факт, что он ещё жив.

– Эй-эй-эй! Давай без обмороков, – Рони подскочил к пошатнувшемуся агенту и подхватил того под руку. – Наш алхимик сказал эту дрянь желтую, даже в осадке, не трогать.

Ядовитая. А если долго дышать будешь, то увидишь маленьких скунсиков с револьверами... Но, знаешь, в чем беда? Хе-хе. Сколько я этого алхимика не спрашивал, он внятно не объяснил, что такое револьверчики. Мы уже потом поняли, что он сам надышался...

– Да-да, я, э-э, понял... – Сим видел трупы тех, на ком лишь мелкие отметинки от попавших капель.

Со стороны можно было подумать, что это бородавки или родимые пятна.

Сим вырвался из хватки капитана и неровной походкой, спотыкаясь о чужие ноги, пошел вперед. Он преодолел опрокинутый прилавок с игральными картами и сувенирами в виде подвешенных человечков, а затем наткнулся на гору вставших пирамидой арбузов. Точнее, от пирамиды осталось только два яруса, остальное или лежало клочьями на камне, или было украдено предприимчивыми гражданами. В одном из арбузов едва заметно гнездилась узкая сквозная дыра, переходящая в следующий арбуз. Именно его Воленс взял двумя руками и как следует приложил о камень. Один из торговцев в черте оцепления взвыл и начал ругаться.

– Это принадлежало, э-э, подрывнику, – заметил Сим Воленс, разглядывая отличительный значок гильдии воров, лежавший в красной требухе с семечками. – Серебряный. Значит, э-э, один из Именованных. Рони, я, э-э, знаю, что ты сегодня играешь в поместье Нотингем с Альбертом фон Штирлицем. Главой гильдии воров, – сказал Сим и оглянулся, впе-

рившись глазами в лицо капитана стражи. Последний, вроде как, даже зарделся, хотя Сим предпочел думать, что это игра света. Ему не нравилось, что совесть может быть у тех, кто делает бессовестные вещи. – Мне нужен список всех Именованных, кто не отмечался, э-э, в путевиках.

– Я это... не понимаю... – вдруг заговорил Рони.

– Не нужно понимать. Рондарк, э-э, вынуждает принимать условия игры, и в том, что Ты эти условия принял, нет ничего удивительного. Просто, э-э, передай Штирлицу мою просьбу и напomini, что я действую от имени Эди Рамы, а значит, э-э, не потерплю в списках утайки, секрета или фальсификации. В противном, э-э, случае, господин Роттенбах из Кладдена может стать следующим главой гильдии воров. Досрочно. И это пока ещё даже не угроза. Запомнил?

– В общих чертах, – выдавил из себя капитан стражи. Под шлемом ему вдруг стало жарко, душно и мокро.

Когда этот Сим Воленс начинал что-то требовать, его голос оставался парадоксально робким, но, тем не менее, излучал угрозу. Так звучит голос стражи, когда преступник один, он загнан в угол, и численный перевес идёт на сторону закона. Агент градоправителя был один, он был даже не вооружен, но каждое его требование словно рисовало в воздухе ледяные знаки силы. Могло показаться, что разговариваешь с самим Эди Рамой, который решил поиграть в скромнягу.

– Благодарю, – без тени улыбки сказал Сим, а затем вдруг спрятал глаза в камне, шмыгнул носом и двинулся прочь.

Его напрягала поза подрывника. Вторая рука прижата к животу, словно ей больно. Вероятно, преступнику действительно было больно. Когда взрываешься вряд ли можно испытать что-то иное. Но что, если он что-то держал? Укрывал своим телом? В таком случае, что бы он не держал, оно должно было расплавиться и кануть в лету вместе с ядовитыми испарениями.

Но магия не всегда растворяется в кислоте, магию невозможно зарыть в земле; её невозможно уничтожить или запечатать. Магия считается Вредной Материей, что в научных кругах стало профессионализмом, а затем и вполне конкретным термином—синонимом. Если говорить о магии, приходится говорить о догадках. А океан интуиции Воленса нередко выбрасывал волны мысли на берег здравого рассудка.

Вот и сейчас: Сим спрятал руки в карманы черного пальто, глядя вдаль, туда, где в каменной кладке дороги лежал открытый решетчатый люк. Какое-то время темные, прищуренные глазки смотрели на водосточный слив и на то, как несколько полисменов заглядывают в черное жерло канализации.

Шум, крик, ругань.

Около оцепления плясал высоченный старик с белоснежной бородой и огромным тисовым посохом. Старик явно ругался и называл себя ВЕЛИКИМ волшебником, который пришел в Рондарк по зову эфира и высших сфер. Полисмены едко хихикали над потугами старика прорваться и нахмури-

лись только в тот момент, когда «чародей» пригрозил порчей на понос, запор и снижение потенции.

На плечо Сима приземлился огромный попугай какаду. Цветастое создание повернуло на него хитрый клюв и изящно матернулось. А почесав у себя под крыльями, выдало очень странную фразу:

– Орн’тур де крерорн’тар, – карикатурный голосок стих, и следом за странной фразой вновь последовала череда пяти матерных слов, три из которых повторялись и стояли в разных падежах...

Одна из горгулий, нанятая в декоративных целях юридической компанией «Рэдрик, Пэм и Рыжие», смотрела на яркое пернатое с неподдельным аппетитом.

***

Маленький дракончик тихо фыркнул, и из ноздрей рептилии покатила черная дымка. На солнце его чешуя отливала зеленым нефритом и казалась удивительно красивой. Увидеть подобное создание уже само по себе является редкостью. Крылышки мифического зверька тихо задрожали, а белая кошка, лежавшая поверх щербатой спинки, тихо замурчала, чтобы не спугнуть свою грелку.

Всем известно, что кошки выбирают самое теплое место в доме. А теплее ходячего огнемета ничего быть и не могло...

Дракончик зевнул, убаюканный кошачьим мурчанием, и, сверкнув антрацитовыми глазками, бросил взгляд на человека, который сидел поодаль. Тот был скорее молод, чем стар,

и по совершенно гадской человеческой привычке не имел ни одной чешуйки на своем теле! Только клочок волос на груди, недельную щетину и совершенно восхищенный взгляд. Левитан Онцфорский – великий сказитель и собиратель древнейших фольклорных преданий. Писатель, автор многочисленных монографий и научных статей. Ну и по совместительству дамский угодник, который «любил по–настоящему» каждую из девушек, с которой затевал роман.

– Прекрасно, – вдруг сказал Левитан. – Второй раз в жизни вижу дракона. Какое благородное создание... мое сердце требует стиха, а проза, кажется, уйдёт за рифмой.

На кровати по ту сторону окна, свернувшись под белой простыней, перевернулась девушка – абсолютная блондинка: стройна фигурка, мраморная кожа, густые вьющиеся волосы. Казалось, запусти в них руки, и пальцы почувствуют воздушность шелка. Её глаза абсолютно синие, как два айсберга, уткнулись в душу Левитана, и все рифмы, за которыми секундой ранее ушла проза, резко стали скакать вокруг женского начала.

Правда, сейчас получавшийся стих скорее походил на похабный фельетон или уж совсем откровенно в пасквиль, где участвовала лексика, имевшая помету «вульгарно» и «грубо».

– Игорь последний из своего выводка, – голос девушки играл мелодией. – Селекционеры долго трудились, чтобы вывести создание настолько напоминающее дракона. Как тебе

известно, мой дорогой Левитанчик, драконов никогда не существовало и существовать не могло.

– О нет, моя дорогая Адель, – вытянулся на стуле сказитель и, закинув ногу на ногу, взял со стола гроздинку винограда. – Драконы существовали и существуют. Один из подвидов, например, водится в окрестностях Рондарка... *ostatum mugaum*, десятитонная рептилия, которая питается древесиной, обогащённой смолой. В периоды несварения это бедное создание имеет привычку пускать огненные ветры, прошу прощения за превратность. А местные жители, случайно увидевшие этот процесс, назвали его «парадом предков». Представляешь, Адельюшка, местные верят, что синий свет в глубинах леса – это факт вернувшегося с того света человека!

– В этом есть ирония, – ответила Адель и присела на кровати. Из открытого окна пахнул холодный ветер, и темные ареольчики на её груди затвердели. – Дракон выпускает дух, и другие видят в этом духе давно ушедшего родственника... Так похоже на людей.

– Полностью согласен, – ответил Левитан, бросив в рот очередной плод винограда. – Я говорил, что ты прекрасна? Нет... это я определенно говорил и не один раз. Не мог не сказать, ведь привык быть честным, а умалчивание очевидного – это самая настоящая ложь.

– Ты говорил более чем достаточно, и менее, чем хотел бы сказать, – улыбнулась Адель, набрасывая на себя белую со-

рочку.

На улице что-то изменилось. Такое обычно случается в моменты, когда жители Рондарка хотят устроить «судную ночь» глубоким днем или затеять очередное шествие к башне Эди Рамы для того, чтобы сбить с градоправителя проценты налогов. Адель точно знала, в каком ритме бьется пульс у этого города, и что за окном происходит что-то...

Уже зашнуровав последнюю подвязку, Адель приподнялась на кровати и стащила с прикроватного столика портсигар. Курила она давно и ничего вредного в этой привычке не видела. От нервных срывов люди умирали намного раньше, чем от болезнетворных миазмов никотина. А то, что её новый любовник Левитан был ярким противником подобных методов самоубийства, нисколько Адель не волновало.

Оттянув нижнюю челюсть дракончика Игоря, девушка легонько ткнула пальчиком между ноздрей. Создание пару раз втянуло носом воздух и чихнуло, опалив кончик одной из сигар. Сидящая на спине дракончика кошка приняла это за личное оскорбление и, не раскрывая когтей, шлепнула лапкой по загривку Игоря, что последний даже не почувствовал.

Из-за двери в спальню послышался высокий голосок. Как мог помнить Левитан, он принадлежал одной из местных горничных, которой по небрежной случайности едва не прижился в любви с первого взгляда.

– Госпожа Адель! Свежий номер «Золотое Руно»! Есть колонка вашей любимицы Грозы Молнии.

– Да, заходи, Маргоша, – вместе с дымом выдала Адель.

Левитан для приличия натянул на волосатую грудь маленькую подушку, но тут же понял, что намного выгоднее, по стратегической части, прикрыть иную часть: ту, что пониже.

Горничная влетела, словно фурия на крыльях, оценила все происходящее в комнате и одарила свою хозяйку добродушной ухмылкой. В руках она сжимала газету. Левитан отметил качество бумаги, которое заслуживало похвалы, оценил он и качество типографской краски. Она не текла, и, судя по тому, что уловил наметанный глаз сказителя, не давала клякс. От Рондарка ожидать таких прелестей цивилизации не приходилось, но день ото дня это место навивало чувство вдохновения и рождения нового Ренессанса.

Такое обычно бывает, если смотреть на бедный город из окна дома, который стоит в центре богатого района. Из таких окон многое выглядит красиво: старая карга с тремя горбами, кашеварящая в огромном чане из крыс и грибковых круп тифозную кашу для толпы ребят; одноногий попрошайка, слезливо благодарящий за протянутую монету. Всё это можно назвать «эстетикой безобразного», если ты, конечно, философ, культуролог или, как Левитан, филолог. Но иным приходится в этой эстетике жить и смотреть на тифозную кашу не из окна дорогого особняка, а непосредственно из опустевшей миски... представляя, как эта каша смотрит на тебя изнутри.

Адель по-дамски уселась в торце кровати и старательно

бегала глазами по чернильным строчкам газеты. На лице её возникло и медленно расцветало напряжение. Левитан этого не видел, потому, как был занят игрой в гляделки со смуглокожей Маргошей, суетливо прибиравшейся со стола. Как же много в этот момент Левитан мог сказать, и как много он хотел сказать. О красоте, о грации и непринужденности в движении, предвосхитить удивительный изгиб губ, подчеркнуть ямочки на щеках и отдать дань уважения этим заматерелым от работы рукам! Однако он промолчал.

Искренность искренностью, но слова нужно беречь, ведь каждый человек, который работает со словом, понимает, какой силой это слово может обладать.

В данном случае слово имело силу раздражать. Такое часто бывает, когда даришь комплименты одной девушке в присутствии другой. Особенно сильно это будет раздражать ту девушку, с которой удалось провести ночь. А если у этой девушки есть ещё и дрессированный дракон...

– Похоже, на рыночной площади под Вьющимися воротами случился теракт, – вдруг сказала Адель. – Погибло четырнадцать человек, два эльфа и семь гномов. Белоснежка в трауре. Стража пока никаких комментариев не дает, но очевидно... О, какой милый и прелестный бред несут эти люди. Ангел, демон. Носитель судеб. Воплощенная смерть. Человеческие умы так неприхотливы в фантазии.

– Городская легенда – это не бред, моя дорогая Адель. Это правда. Правда в самом широком смысле, оформленная че-

рез сознание глуповатого человека, – встрял Левитан, стараясь отвлечь себя от темных ног Маргоши. – В такой парадигме необходимо читать и мифы. Даже боги начинали с мифотворчества.

Адель хмыкнула. Кто–кто, а она знала, что Левитан – негласный специалист по этой части. Он замахивался на божественную прерогативу и занимался мифотворчеством ещё тогда, когда это считалось дурным тоном. В ближайших землях он известен как Левитан, Оскверненный клинок. Дальний восток запомнил его под прозвищем Стекло́йной Пери. В рощах Джуна аборигены называли сказителя Крон–Виндейра. В переводе с их языка это было что-то вроде «Прыгучий крикун, нанизавший врага на бананище».

– Ужас, – подытожил Левитан, когда не дождался реакции на свою реплику. – Но этого стоило ожидать. Рондарк, если верить преданиям, возведен на древнем капище протомага Арцивуса. А магия, как известно, не умирает, не растворяется и не исчезает. Её возможно укротить, даже, наверное, посадить на цепь, выражаясь метафорично... но также она имеет неприятное свойство накапливаться, а вместе с этим менять вокруг себя пространство, время и то нечто, что находится между данными понятиями. Я сейчас говорю о том, что называют жизнью.

Магия действительно обладала всеми перечисленными качествами. А те, кто не был с этим согласен, скорее всего, были счастливыми обладателями третьего глаза, двух ле-

вых ног или очень замысловатой организации желудка, который производил на свет нечто взрывоопасное и детонирующее при контакте с воздухом. Мутации в поле Магического Накопления – очевидное дело. В научных кругах магистров из Ведоктерии подобными местами называли большую часть захоронений древних чародеев, которые с годами намагничивали на себя выделения вселенского Эфира. Магистры, конечно, искали способы утилизации гримуаров и тел во избежание катаклизмов, но дело в этой сфере продвигается медленно, ибо магию запретить или уничтожить невозможно... возможно только посадить на цепь, но достаточно толстых цепей ещё найти не удалось.

Адель перевернула страницу газеты. Её бедра весьма аппетитно выглядывали из-под белой сорочки в огранке кружевной ткани. Левитан называл этот феномен «теорией белых пятен», что описал в своих весьма широких анналах, часть которых хранилась в его родовой усадьбе, а часть путешествовала вместе с ним в торбочке из крепкого огнеупорного красного дерева.

– Видимо, автору газеты очень жаль, что у него только одна первая полоса... – сказала Адель, стряхивая на пол пепел сигареты. – На улицы Рондарка вышли ситуиты. Белые рясы, колокольца на щиколотках. Вещают о каком-то пророчестве, конце света... ага. А ещё про то, что от конца света можно откупиться, если сделать скромное подношение адептам их скромного культа. Хах! Один из монахов набросился

на человека после того, как тот дал слишком мало. В свое оправдание нападавший ничего внятного не сказал.

– Ситуиты, ситуиты... в Рондарке конец света наступает каждый вечер и продолжается до утра, – подхватил Левитан, глядя, как дракончик Игорь стряхнул с себя кошку, спустился на пол и принялся стягивать шершавым языком пепел с пола. – С таким подходом можно было славно озолотиться. Божья протекция в городах, подобных этому, – весьма и весьма нужная вещь. Не находишь?

– Называешь веру вещью? Мне казалось, ты достаточно щепетильно относишься к своим словам, – хмыкнула Адель.

– А молоток, по-твоему, не вещь? Это инструмент. Такой же инструмент, в который религия превратила веру.

– Твои слова да на Пролетарскую улицу, к ступеням Семерых...

– Боюсь, там меня ждет неблагодарная публика. Да и к тому же в твой дом придут дюжины писем с требованием выдать некого Левитана. Или, что ещё лучше, арестовать по пункту «оскорбление чувств верующих». Уверен, найдутся и такие, что потребуют в доказательство ареста части тела или, что ещё вероятнее, фамильную ценность, которая могла принадлежать только Левитану Онцфорскому. Её легче продать, чем палец.

Адель не ответила. Сейчас её внимание занимали последние строчки Грозы Молнии, которая писала в газете о своих наблюдениях. То, что видела на месте следствия Сима Во-

ленса, – известного в узких кругах сыщика и мастера карточных игр. А также о том, что подрывник принадлежал гильдии воров, что на данный момент, является предположением автора. Но Адель знала: если Гроза Молния что-то написала, даже под пометкой «вроде», это, скорее всего, будет чистая правда.

– Я приехал в этот город за историей... – задумчиво потянул Левитан, глядя в окно. Адель даже подняла глаза, не услышав в голосе любовника привычной смешинки. – Некрополь Арцивуса, катакомбы, которые меняют расположение своих коридоров, подземный град Симбивул, где в вечном скитании застыли души строителей, что ваяли улочки этого города. Вопрос только в том, как много в этих сказках правды? Как эту правду можно запечатлеть и под каким углом на неё нужно смотреть, чтобы выстрадать смысл... К слову о страдании. Уже миновал обед, а мне в рот не попало ни капли вина! Не то что бы моему гению нужны стимуляторы, но мир, если смотреть на него через дно бокала, выглядит в разы привлекательнее и ровнее.

– Думаю, для начала тебе следовало бы прикрыться. Или твое перо, мастер, ещё надеется на продолжение повести о любви, кровати и красивых женщинах?

– К величайшему сожалению, перо надеется не на продолжение, а на новое начало, любимая Адель, – голос Левитана снова оброс привычным тоном, который нес за собой улыбку. Однако к совету прислушался и принялся натягивать на

себя портки. – Боюсь, точка предыдущей повести была поставлена достаточно отчетливо. А развязка, на мой взгляд, вышла крайне недурной, чтобы я смел вытягивать из неё что-то более. Уверяю, у твоего покорного слуги достаточно рабочего репертуара, чтобы удивить и вернуть тебя мыслями к славному Эдему и чертогам Канкаргадона, где царствует нечеловеческое удовольствие.

– Ты очень любишь говорить... – улыбнулась Адель.

– Исключительно потому что иные не любят слушать, – парировал Левитан. – Но меня слушают. И это дар. А даром надлежит пользоваться, и тогда, даже если я умру, эхо моих слов ещё будет кочевать по миру... Человек жив до тех пор, пока живут сказанные им слова. Ну или сказанные о нем.

Адель смотрела на глуповатое и одновременно мудрое лицо Левитана. Она, человек, который не привык слушать людей без делового назначения, действительно хотела впитывать слова мужчины напротив. И она не знала, дело ли в голосе или, может, в манере речи. Вполне вероятно, что её цепляли темы, которых касался Левитан. И, о чудо, она хотела часами слушать от него комплименты. Иногда они были вульгарными и весьма пошлыми; иногда изысканными и наполненными аллегориями. Однако все они сквозили глубокой детской искренностью человека, который не может скрывать восторга от окружающего его мира.

Адель в последний раз улыбнулась Левитану и мысленно поблагодарила его за ночь. В постели ему действительно най-

дется немного соперников. Но к хорошему привыкать нельзя, а затягивать краткосрочные интрижки надолго – значит дать себе шанс на любовь. Чувство, как считала Адель, разрушительное и пагубно влияющее на состояние дел.

Именно поэтому Адель была замужем. Любовь в браке, по её мнению, – это миф. А по словам Левитана, в мифе правда рисуется широкими мазками и представляет из себя широкую картину для людей с узким мировоззрением.

Левитан стал единственным, перед кем Адель мысленно извинилась, прежде чем дверь вышибли ногой. Комнату заполонили люди вида преимущественно грозного, важного и, если можно так выразиться, бескомпромиссного.

– Хватайте сучье племя! – подталкивал людей самый высокий из шайки.

Его имя было Охвар де Санд. Что примечательно, Адель носила ту же самую фамилию и серебряное кольцо, натянутое на палец половинкой секунды ранее. Злобные взгляды со стороны мужа изменница снесла с причитающимся юмором и соответствующей печалью. Знала ведь, что в отличии от неё, Охвар любить умел. И любил. Сильно любил. Потому-то, не смотря на все выходки своей жены, ни разу не поднял на неё ни голоса, ни руки.

– Во имя богов, в которых верите, остановитесь! – кричал Левитан, вскочив на стол и успев подхватить Игоря, которого едва не раздавил окованный сталью сапог.

Тут же забарабанили тарелки, в стороны полетели фрукты

и ягоды. Взметнулось и покатилося по полу столовое серебро. Мяукая и шипя, с подоконника слетела белая кошка и метнулась на руки хозяйки. Сказителя тот час окружило два крупных гнома и амбал, по размерам напоминавший вставшую на дыбы телегу.

Однако никто из нападавших схватить сказителя не пытался. Пусть он и не успел взять своей шпаги, но успел вооружиться Игорем. Дракончик неуклюже перебирал лапками и царапал воздух. Но что более важно, он выражал свое недовольство всполохами огня, которыми опалил ресницы одному из гномов, а второму прилично припек косичку на бороде.

– Я стал жертвой неведения и волшебной красоты! Не могу знать, кто из вас муж сий прекрасной особы... а судя по сложившейся ситуации, муж в этой комнате абсолютно точно присутствует. Но хочу сказать, что эта ситуация может решиться иными, далекими от насилия способами!

Дракончик снова пыхнул пламенем, заставив великана отпрянуть. Секундой позже тот уже обдувал опаленные пальцы.

– ...И да сотрясется земля, если я говорю неправду!

Земля сотряслась. С потолка посыпалась штукатурка, завибрировали стекла на окнах, затрещали стены. Рондарк вздохнул полной грудью, встряхивая натянувшуюся каменную паутину домов и мощенных дорог. Казалось, он проснулся, сердце города пробило одинокий удар, и этот

удар прочувствовал на себе каждый: картины тряслись, с потолка сыпалась штукатурка, в соседних комнатах лопались и гремели стекла, кричали служанки. Адель схватилась обеими руками за кровать, а кошка когтями вцепилась в Адель.

На ногах удержался только Левитан, который слишком привык, что после попоек земля под ногами дрожит не менее сильно.

Дракончик Игорь выпустил вместо залпа огня облачко черного дыма и, ударив своего захватчика хвостом, оттолкнулся задними лапами от предплечья, спикировав на пол. Землетрясение уже сбавляло свои обороты, земля скорее дрожала, чем колотилась. А все взгляды уставились на Левитана.

Немая сцена начала затягиваться, ровно как и тишина, в которой все еще звенел глухой колокольный звон...

***

– И меня! МЕНЯ! ВЫСШЕГО волшебника, третьего аркана восьмого ранга, архивариуса–гибискуса, смела держать толпа тупоголовых стражников! – распинался седобородый старик, прерываясь лишь для того, чтобы отхлебнуть из кружки вина.

Напротив ВЫСШЕГО волшебника сидел не менее высший, а точнее высокий человек, имя которого затерялось не только в истории, но и в голове того, кого этим именем нарекли. Для всех он стал Вороном. В том числе и для себя. Так пошло ещё с детства, когда он мальчишкой подался в

армию Ламасской Империи и попал пехотинцем в морской корпус. Там имена были не приняты. Да и любое проявление индивидуальности пресекалось розгами и каленым железом.

Мальчишкой Ворон презирал этих людей, притворялся, лгал, лицемерил... а затем поверил в свою ложь и понял, что люди, которых он презирал, спасли ему жизнь. Индивидуальность на войне убивает и делает это очень жуткими способами. Выжить там можно только в том случае, если ты стал одним целым с безобразным, но четким механизмом.

Человек без имени участливо кивал своему говорливому собеседнику и так же участливо того не слушал. Ладить с поехавшими говорунами выходит исключительно у тех, кто не обращает на них внимания. Последние такому факту не сильно расстраиваются, скорее, даже наоборот. Намного легче выливать на кого-то ушаты своего речитатива, если тот молчит и не перебивает своими комментариями.

Ворон в очередной раз повел подбородком вверх вниз, лизнул палец, и перелистнул последний номер городской Рондаркской газеты «Золотое руно». На первой полосе, конечно же, красовался заголовок «Землетрясение! Гнев богов или древнее проклятье?» и чуть пониже «Расследование пришло в тупик? Власть молчит?». Если пробежаться глазами вдоль текста, лавируя между строками словесного мусора, можно увидеть статистику жертв после случившегося землетрясения, пострадавшие улицы и цитаты опрошенных граждан.

Когда земля содрогнулась, Ворон был здесь же, в таверне «Корзина всячины», в той же позе, и понемногу пил ту же самую кружку пива. Люди подхватились, куда-то бежали, нервничали. Ворон знал – смерть сейчас в другом месте и придет она позже. Ему уже приходилось встречаться со Смертью, и он знал, что следующий раз узнает о ее присутствии заранее.

На следующих страницах «Золотого руна» можно было увидеть заголовки «Боги по неволе», «Молния среди бела дня» и прочее–прочее. После землетрясения многие из жителей Рондарка подались в храм Семерых, и как следствие – передрались. Каждый винил какого-угодно бога, но не своего, а распри на религиозной почве всегда заканчивались знатным мордобоем. В крайнем случае, сожжением.

Газета говорила об истоках этой войны, и как писала Гроза Молния в своей колонке, все началось с дебатов отца Рейптуха и Дейбика. Оба священника были утром на площади и видели теракт, но один увидел ангела, а другой – демона. А разгорячившись, те ушли на Пролетарскую улицу, где и сумели убедить сами себя в божественной непригодности местного пантеона.

– Ух ты! – старик пискнул, глядя на руки Ворона. Широкие голубые глаза раскрылись как у ребенка, который впервые понял, что бумага имеет свойство мяться и сгибаться. – У тебя на пальцах. Татуировки. Пять звезд. Под Вермилионом службу нес?

Услышав знакомое имя, Ворон мысленно догнал улетающую часть диалога и словно пожеванный ножницами пазл воссоздал в голове утраченное.

– Знаешь его? – впервые подал голос Ворон.

– Впервые слышу.

– Ты только что назвал лорда командующего.

– Не помню такого.

Ворон смотрел на старика такими глазами, какими смерть смотрит в душу, прежде чем её забрать. Такие взгляды могут рассекать время и пространство, делать дыры в людях, но... старика это никак не проняло. Да и Ворон не видел, чтобы старик лукавил. Он действительно не помнил о чем говорил.

Бывший морпех медленно, по-хищному, вернул взгляд обратно к газете и рефлексивно погладил кончиками пальцев себя по костяшкам правой руки. Пять звезд. По одной на каждом пальце... Клеймо каждого члена Щитомордых – элитных копейщиков авангарда. Это означало, что он стоял против пяти разных армий, сходил с ними лоб в лоб и выходил с первого ряда живым. Стоит только упасть, и вот, тебя уже топчут и свои и чужие, подколачивают чьи-то копыта, а враг по ту сторону устал держать копье и опустил его в землю прямо у твоего носа.

– Нда-а-а-а-а. Дела-то. В свою молодость я бы трансгрессировал при помощи заговоренных грибов прямехенько в Симбивул и поправил эллиптические резонаторы, чтобы город не колотило... Вернул бы на место аккумулирующий

элемент и навестил братишку! Забыл на долгие столетия! А сейчас... о Боги! Стража! Стража! Тупоголовые кретины!

Старик продолжал ругаться.

Ворон продолжал не слушать.

Про старика Ингора говорили много, особенно в самом начале, когда он только появился в городе. Его можно было бы назвать джентльменом удачи, если бы в нем было хоть что-то от джентльмена. Жизнь улыбалась дуракам, но этому дураку она улыбалась с особенным энтузиазмом и непринотливостью.

Все знают, что старик не чародей, а тот не горит желанием это доказывать, говоря, что магия существует не для разбазаривания и городских выкрутасов. Однако, когда «городские выкрутасы» все-таки побеждали в голове Ингора, фортуна и дикое стечение обстоятельств доказывали, что заклинания старика работают. То молния с небес ударит, то человек, обидевший мага ВЫСШЕЙ ступени, подавится костью из ножки кролика.

Однажды Ингора даже пытались привлечь за нелегальное Употребление Магии Вне Ведоктерии. И это могло случиться, если бы не одно но – ревизор, приехавший из магической коллегии, вполне ясно сказал, что старик от магии имеет только очень интересное заболевание, которое передается половым путем от пикси к человеку. Комментировать Ингор ничего не стал, да и спрашивать у него тоже никто не решился...

Пикси, самые большие, имеют рост не больше пяти дюймов.

– О–о–о–о–о, беда идет, – вдруг встрепенулся старик. – Да–да, бар–бум, высшие сферы говорят ВЫСШЕМУ магу: чтобы не стать ниже и не лишиться ножек, ты должен прятаться. Прятаться и сидеть тихо... пам–па–бам!

Ингор встрепенулся и вприпрыжку пошагал к двери в конце таверны. Ворон проводил старика вязким взглядом, с прищуром отметил двадцатисантиметровую окованную сталью дверь, за которой старик и скрылся. Затем услышал звук запираемого запора, второго, третьего. Следом скрежет замыкаемой защелки, щеколды. Лязг натянувшейся цепочки.

Последней нотой щёлкнул декоративный замочек в дверной ручке, филигранно прокрутившись золотой головкой.

Ворон провел ногтями по костяшкам. Он всегда чесал их, когда кто–то обращал на них неприветливое внимание. Единственное, что смущало морпеха, – он был один. «Корзина всячины» пустовала, если не считать двух спящих забулдыг за дальним столом. Вряд ли эти двое хотели убить кого–то кроме себя за такую необдуманную пьянку.

Зазвенели колокольца на входе. О пол цокнули каблуки. Кто–то кашлянул.

Около двери стоял человек. Серый костюм, серый шарф. Серые глаза. Ворон не смотрел на пришедшего прямо, но держал его в поле зрения, не зная чего ожидать. Внимания он не обратил и тогда, когда незнакомец освободился от шарфа

и подошел к столу, где сидел Ворон.

– Вечерний номер, – заговорил тот и сел на стул, где недавно был Ингор. – Увлекательное чтение. Редактор Октавиус, вероятно, опечален, что сегодня у него нет второй первой полосы. Новости–новости... они вирус, который попадает в каменные жилы города и выводится исключительно временем. А потом из новостей вырастают осложнения в виде Идей. И эти идеи окончательно ломают организм, сосуды закупориваются человеческими митингами, органы отказывают один за другим, а клетки разрушаются под действиями других клеток...

Незнакомец с драматической точностью замолчал. Руки избавились от серых перчаток и нырнули куда–то в полы серого жилета под серым пальто. Оттуда, вопреки серому облику, появилась черная трубка, явно демонстрирующая то, во что превращаются легкие от её использования.

Ворон молчал, рассматривая заголовок «Лингвофрики вышли из тени! Скажем «спасибо» нет!»

– ...безумие – типичная болезнь для человека, которого лишили вчерашнего дня, – продолжал незнакомец. – Слишком многие хотят, чтобы сегодня было таким же, каким оно было вчера. Все хотят крепко стоять на ногах, что, как выяснилось, делать крайне сложно, если земля под ногами начинает оживать. Я не претендую на роль пророка, но...

– Я – это кто? – наконец подал голос Ворон. – Не думаю, что мы знакомы.

– Какая наблюдательность. Только это делает вам честь, – хмыкнул незнакомец и затянулся дымом из трубки. – Так уж вышло... но люди, которые водят со мной знакомства, склонны умирать вдали от своей постели. И это не угроза, сэр Ворон. Во всяком случае, пока не угроза. Скорее, невольное наблюдение общей тенденции.

Ворон сжал края газеты сильнее, но почти мгновенно привел себя в порядок. О внутреннюю часть черепной коробки билась яркая, как полярная звезда, мысль. Убей. Враг. Уничтожь. Об этом же кричала каждая из пяти кровотокающих татуировок, в которых жило нечто, чему нельзя давать холоду. И это не фигура речи... в этом кипящем зуде действительно плавала чья-то чужая воля... «Убей. Сделай это. Накорми нас ведь...»

...ведь именно за этим он и вернулся в Рондарк.

– Куришь? – предложил незнакомец.

– Нет.

– Правильный ответ. Пять звезд мог заполучить только человек, который очень любит жизнь. Человек курящий не хочет умереть, но и за жизнь особо не цепляется. Впрочем, нельзя сказать, что служба в морском корпусе намного полезнее, чем акт табачного гедонизма, – хихикнул человек. – Мое имя Нергал Селл. И я, сэр Ворон, очень заинтересован в ваших практических навыках... как же их называют «умерщвление неугодных угодными». Я нигде не ошибся?

– Только дверью. Корзина явно не ваш уровень, сэр.

– Остришь. Похвально. Юмор был и будет лакмусовой бумажкой, определяющей уровень интеллекта. Предлагаю опустить в омут твоего мыслительного процесса ещё пару крючков и посмотреть, что у тебя получится выловить. У тебя, Ворон, есть два пути. Один из них предполагает, что мы пожмем друг другу руки и поговорим о делах насущных. Второй же путь, – рука Нергала указала на входную дверь. – всегда открыт. В конце концов, свобода выбора – залог здоровой демократии.

Ворон сложил газету и взгляделся в дверь, на которую ему указали. Татуировки зазудели с новой силой. Кровь с расцарапанных костяшек уже запачкала бумагу и капала с кончиков пальцев на пол. Татуировки всегда добивались своего – пили кровь, даже если она принадлежала хозяину.

– Там люди? – спросил Ворон.

– Безусловно.

– Много?

– Достаточно.

– И они вооружены...

– В пределах разумного.

Ворон задумался, проводя в голове неловкие математические расчеты того, сколько именно в численном эквиваленте содержит в себе слово «достаточно». Как итог, «достаточно» обладало достаточным количеством, чтобы его, Ворона, умертвить или обездвижить.

– И зачем?

– Что зачем? – переспросил Нергал.

– Ты сейчас к моей глотке нож приставил. Даже если на твое предложение соглашусь, что мне помешает выйти следующим утром из таверны, купить коня и... уйти?

– Приятно видеть сознательных людей, – Нергал хихикнул и снова затянулся дымом. – Но люди на улице мне нужны были исключительно для того, чтобы ты не ушел раньше времени. Знаешь ли, мой дорогой Ворон, я в этом городе давно и желаю ему добра. Больше скажу, я желаю добра всему миру... но вынужден здраво оценивать свои шансы. Во всяком случае, я хочу вывести Рондарк на тот уровень, который позволит людям бояться за свою жизнь чуть меньше. И когда я говорю «людям», я имею ввиду все расы. В реалиях нашего века так будет удобнее. Ведь человек – это не определение расы, это тот, кто обладает «человечностью»... а человечность – понятие весьма растяжимое.

Ворон промолчал и понял, что ногти впились ему в ладони. Так много красивых слов «добро», «человечность», «вывести на новый уровень». Все то же самое говорили люди его матери, прежде чем уничтожить её жизнь...

Однако вслух Ворон сказал другое:

– Хотелось бы, чтобы люди думали так же, как вы.

– Поэтому мне и приходится искать единомышленников, мой дорогой друг, – отвечал Нергал. – Тех, на кого я смогу положиться. Вот, например, тебе известно, что за последнюю неделю в Рондарке произошла весьма и весьма скверная че-

реда убийств?

– В газете видел. Но убийств за жизнь мне хватило. Не заострял внимания.

– Имена убитых – это имена старых авторитетных лиц в области криминального сегмента. Вонг Кругодуб, Лиркин Члерног, Ален, по кличке Ясень. Лет десять назад они были крупными шишками в городе и успели сделать много того, что можно назвать непоправимым, антигуманным... эпитетов более чем достаточно.

– Вероятно, их покарали боги.

– Да. Выколотые глаза, сломанные руки, вырванные ногти, сломанный позвоночник... Я не сомневаюсь, что это были именно они. Узнаваемый подчёрк. И я бы очень хотел помогать именно таким... решительным богам и дальше карать тех, кто этого заслуживает. Приносить в их храм подношения и даже помогать с поиском, чтобы молния с небес случайно не убила невинного, – Нергал разлегся на стуле и выглядел расслабленным. – Словом, быть попутным ветром в парусах божьей воли.

На секунду в зале повисла тишина, но не на долго. С лестницы, ведущей на второй этаж, отставив кверху филейную часть, спустился старик Ингор. Протирая щекой каждую из ступенек, а затем и пол, он полз за чем-то очень маленьким, членистоногим и усатым.

Нергал и Ворон переглянулись. Морпех с прищуром посмотрел на дверь, за которой слышал запираемые замки, и

прикинул в голове, есть ли выход из этой комнаты. Но кроме окна, которое было зарешечено, ничего такого в голову не приходило.

– Гибискус–активус! Редкий... очень редкий... – шептал себе под нос Ингор. Жучок перед ним остановился, и раскрытый голубой глаз старика приблизился к панцирю ещё ближе. – Какой изящный экземпляр таракана. Какая грация. На одну лапу больше, чем у обычных особей. Правое крыло имеет более темный пигмент, чем левое. На усиках нехарактерные кисточки. Превосходно... АЙ!

Тело старика взметнулось вверх, как если бы его кто–то поднял за пояс. Ингор повис в воздухе, заозирался в поисках чего–то, что могло его поднять, однако в глаза ничего не бросалось.

На лице старика расцвела улыбка.

– ЛЕВИТАЦИЯ! Ха–ха, ВЫСШИЙ волшебник наконец обрел крылья! Клевета! Рожденные ползать умеют летать! ХА–ХА! Ворон! Ворон, смотри, я летаю!

Старик расставил руки на птичий манер и начал качаться в воздухе. Словно повинуюсь дуновению ветра, старика понесло обратно к лестничному пролету.

– Нет–нет–нет! Не туда! НЕ ТУДА! ГИБИСКУС...

Старик скрылся Где-то на втором этаже, однако голос его эхом разносился по «корзине всячины». У Ворона не было никакого желания оборачиваться на своего серого собеседника, ибо ожидал увидеть там ехидную улыбочку.

Да, именно она там и была. А в голове морпеха мелькали истории про мантии невидимки и народ кудрей – гуманоидных хамелеонов, которых, если они того не захотят, будет невозможно увидеть.

– Попутным ветром в парусах, говоришь... – медленно потянул Ворон.

– Ну да. Если отойти от метафор, то тебе не придется делать ничего сверх того, что ты будешь считать правильным. Наша задача почистить город и сделать его лучше. Без помощи, Ворон, ты очень скоро наживешь себе врагов, с которыми не сможешь тягаться. У тех троих, кого ты пришел, были друзья в гильдии воров и братстве. Этим делом мог заинтересоваться и Сим Воленс... он любит загадки. Твоя удача, что сейчас у него своих забот по горло.

– Думаешь, я боюсь?

– Нет. У тебя просто недостаточно фантазии...

– Мне не нужно представлять, что такое смерть.

Нергал Селл хотел съязвить, но он слишком хорошо знал, когда люди лукавят или бахвалятся. Ворон не делал ни того, ни другого. Перед ним сидел человек, который действительно знал, что такое смерть, и смотрел этой смерти в глаза.

– В любом случае, тебе нужны союзники. И я хочу предложить свою кандидатуру.

Ворон думал. Жизнь не обделила его ни интеллектом, ни силой, но всю жизнь он предпочитал притворяться тем, кем был в глазах других. Это давало ему небольшую фору. Помо-

гало выжить. Если он согласится сейчас, это будет не очень убедительно.

– Я должен буду работать на того, кто очень похож на людей, которых я презираю...

– Во-первых, не «на того», а «с тем». Мы партнеры. Ты профессионал в своем деле, я – в своем. А во-вторых... – Нергал задумался. – Средне статический герой всегда похож на злодея. Более того, именно добро учит зло, каким оно должно быть. По этой причине из белого и черного, в итоге, получилось серое. И хочу тебе сказать: именно серое в Рондарке можно назвать белым. Смерть ради меньшего количества смертей в будущем. Ложь во благо. Все это является нашим арсеналом, Ворон, и то, что необходимо добру, чтобы бороться со злом.

Повисла пауза. Один из пьяных забулдыг, спавших в конце таверны, всхрапнул, икнул и пробурчал нечто невнятное. Тишина снова вонзилась в уши трелью, но Ворон не дал ей затянуться:

– Допустим, что я согласился, – выдавил из себя Ворон, хотя внутри у него от такой лжи сжималось и бурлило.

Единственным его успокоением была мысль, что на этот раз Он будет использовать собеседника. А как только начнет терять контроль над ситуацией, просто убьет его, как сделал это с Вонгом Кругодубом и остальными.

– Я не прошу тебя соглашаться сейчас, – легко выдал Нергал Селл и поднялся со стула. – Ты услышал все, что мне

необходимо. Решение ты должен принять к рассвету, и, в случае, если он будет положительным, прийти к основанию Солнечной Башни Вавилла. Там мы докажем друг другу, что можем быть полезны, – закончил Нергал и протянул Ворону руку.

– Ага, – без особого интереса ответил морпех и проигнорировал жест «партнера».

Последний не обиделся и, оставив на столе пару серебряных марок, вышел на улицу. Ворон не посмотрел вслед уходящему, а уходящий не обернулся.

На улице было пусто. Ни одного человека. Нергал Селл посмотрел на звезды, на летающие силуэты нетопырей и кашлянул. Где-то вдали завизжали дерущиеся кошки, затем послышался крик дерущихся людей и звук разбитого окна.

– С вашей стороны было опрометчиво идти на такую встречу одному, сэ-э-эр, – позади Нергала возник человек в черном фраке.

– Возможно.

– Но переговоры прошли успешно?

– Вполне.

Оба они двинулись к карете, стоящей в тени булочной «Хоп, сахарок». Нергал на ходу принялся стягивать с себя серую одежду и выбросил её в ближайший переулок. Компания во фраке тут же подал ему стильный черный костюм.

– Благодарю, Фальер. Ненавижу неопределенность, – учтиво улыбнулся Нергал и принял костюм.

На облучке кареты сидел человек. Высокий, плечистый, с мечом на коленях. Те, кто видели этот меч и его обладателя, резко меняли угоды ночной охоты за кошельками. А те, кому такой демонстрации было недостаточно при лунном свете, могли рассмотреть костяшки правой руки, где красовались татуировки щитомордых. Три штуки, причем одна из них была счесана почти до основания, и кожа на этом месте была белая.

– Не хочешь зайти пожелать здоровья старому другу, а, Нед? – спросил Нергал с усмешкой, натягивая пиджак. – Он сегодня в хорошем расположении духа.

– Он меня убьет, – хмыкнул названный Недом, сверкнув красным из-под капюшона. – Как вы говорили... здесь нужно быть деликатнее.

– Вольному воля, – пожал плечами Нергал и нырнул в дилижанс.

Остаток пути по стучащей мостовой его мучила мысль о «чародее» Ингоре и о его произвольном акте левитации...

***

Ночь выдалась тихой, как всегда бывает перед бурей. Луна изредка мелькала между плотными бетонными тучами, окропляя рыжие крыши молочным светом. На одной из таких крыш лежал абсолютно черный, словно искупавшийся в дегте кот. Медленно моргая, как делают все коты, когда чувствуют себя прекрасно, он смотрел на здание напротив себя.

Если бы этот кот умел читать, он бы увидел тусклую вы-

веску «Канат». Но кот читать не умел, чего нельзя было сказать о счете. Мать–кошка научила его считать до тысячи. На вопросы, есть ли ещё числа после тысячи, мать–кошка отвечала, что есть, но столько мышей в каменном мешке найти не получится, а значит и смысла в этих оставшихся числах нет.

...но, в таком случае, черного кота волновал другой вопрос. Зачем ему знания умножения, деления, знание логарифмов и тридцать способов нахождения синуса у равнобедренного треугольника.

Кот зевнул, оскалив ряды маленьких белых зубов. Ромбовидные зрачки сжались и расширились в две огромные орбиты. В темноте, по дому с названием «Канат», ползло нечто прямоугольное. Ничего подобного черный кот не видел, а потому поборол в себе хищника и остался на прежнем наблюдательном пункте.

То была книга. Огромная зубастая книга, перебирающая сотней мелких ножек, цеплявшихся за щели между кирпичами, за сколы и железные бляхи от водосточных труб. Книга медленно продвигалась вверх, а затем нащупала верхним рядом своих лапок окно. Точнее, его отсутствие. Никакого стеклопакета или чего–то подобного. «Канат» был заведением для совсем нищих и совсем отчаявшихся. Его второй этаж представлял из себя сплошную спальную зону, поперек которой протянули веревки. Спать можно было исключительно опершись об эти веревки, ибо таким образом более богатые клиенты могли спать на полу со всеми удобствами,

клопами, крысами и простуженными легкими. Зимой же цены менялись – канаты стоили дороже, ибо на них был меньше шанс подхватить кровохарканье.

Книга перевалилась через оконный проём и рухнула на пол. В дальней стороне «Каната», цепляясь за веревку одной рукой, сидел на коленях парнишка. Бывший подмастерье алхимика Дорика по имени Абди. Юноша мгновенно вскочил и перевалился всем телом через веревку. Ему хватило один раз получить нагайкой между лопаток, чтобы больше не скачиваться на финансово недоступный пол.

Прежде чем глаза подмастерья привыкли к темноте, книга, с переплетом из человеческой кожи, успела подползти ближе.

– А-а-а! ИЗЫДИ, демонская дрянь! – выругался парнишка, и только канат не дал ему упасть филейной частью на пол.

Гримуар заполз в квадрат лунного света. Между страниц пробивался красный язычок закладки. Паучьи лапки остановились и принялись переминыться с одной стороны на другую.

Абди смотрел на книгу с неподдельным ужасом, но одновременно с этим Где-то в груди его обжигал восторг. Учитель Дорик всегда повторял две вещи: его имя никогда нельзя произносить с приставкой Пи, и то что он стал именно таким, каким стал исключительно благодаря книгам. Древние романы, забытые повести, кричащие пасквили, научные диссертации, учебники... все они приближали человека к магии

просто потому, что воплощали собой выдуманную реальность, материализовывали её. Истинные алхимики на протяжении всей жизни искали *opus magnum*, и это далеко не преобразование свинца в золото. Они искали силу Бога – преобразование одного вещества в другое... и литература, по мнению Дорика, преуспела в этом чуть больше, чем алхимия.

Живая книга в глазах Абди была предзнаменованием рока. Он внезапно почувствовал себя избранным, как в тот день, когда учитель принял его в подмастерье. Страх уступал профессиональному любопытству. Ведь это не просто туповатый любовный роман или рассказ – эта книга обладала своей волей. Слова внутри этой книги хотят быть прочитанными. Хотят быть... услышанными.

А услышав их, Абди, конечно же, поймёт, как сделать философский камень. Он утрет нос этому Дорику и покажет, что он достоин звания алхимика больше, чем его учитель.

Абди ослабел и сполз на пол. Казалось, в нем не осталось сил на то, чтобы даже здраво думать. Когда не ешь несколько дней подряд, такое случается. Однако его хватило на то, чтобы встать на четвереньки и, подволакивая обе ноги, двинуться к книге. Она покорно ждала, двигая из стороны в сторону красной закладочкой, а затем...

...открыла пасть. Вспыхнули тысячи, миллионы ярких белых букв, символов, иероглифов и сигиллов. Они становились все ярче и ярче, плясали неплотными хороводами вокруг угасающего сознания. Каждая буква пыталась что-то доне-

сти, что-то сказать, они обретали собственное сознание и волю внутри его головы. Буквы сталкивались друг с другом, размножались, образовывали слова, складывались в словосочетания и предложения...

Абди смотрел, слушал и старался понять, о чем говорят чернила.

Глава 2...

В которой активная демократия докажет, что власть умеет меняться. Роднарк станет на пару чародеев «магичнее» чем был и познает все прелести изоляции. А читателю придется задаться вопросами: при чем здесь лингвофрики и правильные решения?

Солнце всплыло Из-за горизонта, нехотя, облизав лучами зеленые луга, каменные лощины и шпиль обрушенной Солнечной Башни Вавилла. Развалившиеся арки, трещины на каменной кладке, рассыпавшиеся бойницы, заваленные строительным мусором коридоры и лестницы. Верхние этажи башни были в экстренном состоянии... во всяком случае, так могло показаться.

На самом же деле, их поддерживали в таком состоянии, искусственно придав каменному строению столь ущербный вид, что даже вольнонаемные горгулии не решались декорировать собой их фасад.

Предшественник Эди Рамы, Асфольд Добродуб, придумал эту стилизацию по двум причинам: первая – показать людям вневременную достопримечательность. Солнечная Башня была единственной в своем роде, ведь не просто стояла извечным барбаканом, но и представляла собой центр в солнечных часах. В минувшую эпоху люди отслеживали время по тени, говоря «пол лазарета Святого Гроувика», что

обозначало пол девятого. Или «Без десяти кабак Роди». У каждого временные привязки касались разных мест, но каждый находил с собеседником точки соприкосновения.

Второй же причиной такой стилизации стала метафора, причем простая и прямая – если полезешь далеко вверх, тебя сломают. А потом в качестве народного увеселения поставят в центре города и не факт, что живого. Мертвые тоже умеют забавлять. Рондарк всегда славился дурным чувством юмора. Настолько дурным, что местные жители, читая газету «Золотое руно», не всегда понимали, где реальные новости, а где колонка с пошлыми анекдотами.

В этой же газете промелькнула новость, которая встряхнула город не слабее, чем землетрясение вчерашнего дня. Заголовков «*Король умер! Да здравствует король!*». Работники местного почтамта резво бегали от квартиры к квартире, раздавая утренний тираж газеты. А люди, получившие в свое пользование клочок типографии и информации, вздыхали, охали и обсуждали случившееся нечто – Эди Рама умер.

Сим Воленс, шедший к Солнечной Башне Вавилла с самой кордегардии Клешневых ворот, где по случайности заночевал, успел услышать уйму разных трактовок случившегося. По словам некоторых трактирщиков, на улицах образовалась орда наемников, пришедших с севера – норсы всегда славились своей верностью тому, кто заплатит их гильдии достаточно много. Воленс знал, что в город пришло не меньше четырех взводов. Два из них даже обладали собственными

ми именами – Клятвотесы и Псы Севера. Нанять сразу два таких отряда означало опустошить кошелек, а после забраться в вечный кредит, ведь таким количеством живой силы можно было вырезать не только гарнизон стражи, но и в целом вырезать весь город. К тому же, у Клятвотесов был еще и стихийный боевой маг.

Остальную часть ночной экзекуции все предпочли не замечать. Власть в Рондарке менялась слишком часто, чтобы о ней плакать... хотя, вопреки ожиданиям, про Эди Раму не спешили говорить плохо. Воленс знал своего бывшего нанимателя и знал, что Эди достаточно пронырливая личность, чтобы умереть без грандиозного представления. Но одновременно с этим детектив знал, что за его начальником всегда кто-то стоял. Кто-то невидимый и очень умный. А Эди Рама последнее время перетянул слишком много одеяла на себя. За такое рано или поздно приходится платить.

– Дела... – шепнул себе под нос Воленс. – Два... четыре. Пять в гражданском. Э-э, арифметика не в мою пользу...

У ворот в башню действительно стоял приличный гарнизон. В числе трех пары глаз, которые отличались свирепостью крайней степени. Казалось, что смотришь в два колодца, где на дне плескается магма гнева, плюясь в лицо иссушающими порывами жара.

– Я пришел, э-э, поговорить с градоправителем, – сказал Сим как всегда робко. Фигура его стала меньше.

Головорезы переглянулись. Один из них перехватил секи-

ру из одной руки в другую, и детектив невольно отметил, как заработали мышцы предплечий. Сплошные поршни.

– С которым? Прошлый помер и...

– Мне, э-э, известно, что Эди Рама отдал душу одному из тех богов, в которого не верил. Однако я все ещё работаю, э-э, в штате Рондарка как следователь–консультант. И, э-э, если мне не изменяет память, никаких резолюций о моем увольнении подписано не было.

Головорезы снова переглянулись. Верзила с топором подошел ближе, чтобы придать взрывное ускорение горизонтального типа не туда забредшему клерку. Однако тот сделал то, что обычные клерки не умеют – не испугался и даже заговорил снова:

– Меня ждет Нергал Селл.

И звук этого имени почти мгновенно открыл перед ним все двери, обезопасив от едкого гнева местной интеллигенции. Сим слышал это имя очень редко, и оно, скорее, принадлежало мифу, легенде, которой на самом деле никогда не существовало. Многие видели в этом имени городскую легенду, что неудивительно – оба имени Нергал и Селл принадлежали именам древних демонов. Но фантазия Воленса ярко представляла этого человека: он имел форму, имел голос и имел власть.

Нужно было просто в подходящий момент произнести это имя, как вдруг закрытая дверь открывалась, а человек, желавший тебя убить, убирал арбалет от виска и пятился до тех

пор, пока не терял жертву из виду.

Пусть лично детектив и не знал этого нового градоправителя в лицо, но достаточно часто пользовался его услугами и его именем, помогая старику Эди Раме. А тот факт, что после такой наглости Сима не нашли в сточной канаве с перерезанной глоткой, означал что Нергал Селл был не против стать «ангелом–хранителем» для сыщика–консультанта... если так вообще можно выразиться о том, кто взял для личного пользования два демонических имени...

Впрочем, ни к чему новому эксплуатация этого имени не привела. Там, где пролетало его эхо, обязательно оставались трупы. Даже сейчас, просто войдя в стены Солнечной Башни, Сим Воленс не нашел там ничего кроме трупов, разрухи, и ковыряющихся в стенах инженеров. Последние искали в стенах потайные ходы, ловушки и схроны предыдущего владельца башни.

Переступая через тело некогда обороняющее башню, Сим глазами встретился с кареглазым эльфом, вышедшим из глубины лестницы. Цвет глаз эльфов говорил о многом, в частности, если он не голубой – значит это метис, мать или отец которого принадлежали к человеческому роду. Звали эльфа Кьерлох, и работал он по тем же направлениям, что и следователь–консультант Сим Воленс – шпионаж, секретные поручения и командование группой менее заслуженных сексов.

– Здравствуй, Сим, – напыщенно произнес эльф и протя-

нул руку. – Смог пройти кордон. Похвально.

– Да, э-э, здравствуй, – в ответ протянул руку Воленс. – Это было не то что бы сложно. Мне услужливо, э-э, открыли парадную новые швейцары. Встречался уже с ними? Милейшие создания.

– Твой юмор невыносим.

– Это абсолютно взаимно, Кьерлох. Когда ты пытаешься шутить, у меня развивается изжога, – не давая эльфу парировать, детектив продолжил. – Ты, э-э, уже познакомился с новым начальством?

– Не пришлось. Я был занят опознанием трупов. Очень надеялся найти среди них тебя. Какое разочарование...

– Ещё, э-э, не вечер...

Виски Воленса пробила черта боли. Перед глазами вспыхнуло, погасло, и комната наполнилась белыми силуэтами. Мимо сыщика пробежал десяток человек со щитами. С лестницы щелкнули арбалеты и белые молнии разодрали щиты нападавших, прыснули щепой и железной крошкой. Воленс обратил внимание, как у его суетливо отползает к лестнице гном: борода в крови, глаз заплыл. За гномом идет рослый норс с хмурым лицом, затем поднимает топор и бьет сверху вниз...

Ведение пропало.

Сверху вниз – стрельнуло в голове Воленса, когда он прошел мимо. Снова он возвращается в прошлое и видит словно со стороны собственную казнь. Палач без лица, свистящий

замах... В тот момент очень хотелось дышать. Втянуть в себя как можно больше жизни... ведь это не стыдно – хотеть жить. Думается, и все, кто защищали башню, тоже хотели жить, но у них это в нынешнем состоянии получалось плохо.

Лестницы, как и полы, сплошь и рядом полнились трупами. Костлявая изрядно прошлась по этому месту, в некоторых местах она явно прыгала от радости, в других – качалась и плясала. Тел было много, и можно было сказать точно – Эди Рама был готов к нападению и организовал более чем железобетонную защиту своего обиталища. Но враг оказался готов чуть лучше. В конце концов, Клятвотесы и Псы стоят трех имперских взводов, если не четырех.

Воленс сокрушенно выдохнул. После того, как деньги перестали быть для него предметом счета, он перешел на человеческие жизни. Спасать людей не ради спасения, а для того, чтобы подводить в голове разбаловку и радоваться новым рекордам. Игра, в которой человеческие жизни превращались в единицы, десятки и сотни...

– Это так по-человечески, – заговорил эльф, пропуская мимо очередную пару наемников, выносивших труп. – Убиваете других, убиваете друг друга... где ваша хваленая человечность? Качество, которое определяет человека и которое вы так тщательно избегаете.

– Хм... в кровавой бане мало человеческого, – ответил Сим, понимая, что в кармане его рука сжимает латунный кастет. Говорил он тихо. Почти не слышно. – Но очень много чело-

веческого.

Оба агента остановились перед огромными дубовыми дверьми, даже, скорее, воротами, которые вели в кабинет Эди Рамы. Зал ожидания, небольшой и мрачный, не имел при себе окон, и единственное, по чему возможно было исчислять время, – это свечи. Их огарки медленно тлели в единственном подсвечнике на этаже и представляли из себя иллюзию течения времени.

– Как я выгляжу? – спросил эльф, поправляя ремни на поясе и подтяжки на плечах.

– Как представитель своей расы, – только и ответил Сим.

– Надеюсь, это был комплимент.

– Надейся...

Ворота распахнулись и плеснули в глаза солнечным светом. На фоне белой завесы выделялся знакомый силуэт кресла Эди Рамы и его стола, а чуть левее – силуэт того, кто отворил ворота.

– Сэр Воленс, сэр Кьерлох, – обратился силуэт, обрастая чертами дворецкого. В солнечном свете материализовался фрак, появилась тронувшая черные волосы седина, белые перчатки, блестящие туфли. Он даже стоял в полупоклоне. – Господин Селл ждет вас.

Кабинет состоял из полукруглого помещения, где вдоль стен стояли высокие стеллажи с прогибающимися полками от инкунабул и монографий. В центре растелился стол, и это был отец всех столов, мечта каждого бюрократа. Размер ра-

бочей зоны позволил бы хранить небольшую картотеку сразу на глазах, посадить для письма пятерку клерков, и еще хватило бы места для небольшой оргии Где-то в центре.

Впрочем, исчислять размер стола в количестве людей, участвующих в оргии, перестали ещё на Кадлофе Развратном. Он последний, кто устраивал на этажах башни каштановые оргии, за что был вздернут... причем далеко не за горло.

Нергал Селл, в черном бархатном костюме, сидел по ту сторону стола. Рядом с ним расположилась девушка: черноволосая, в очках, с весьма скромными формами в области талии и весьма нескромными в области груди. Она задавала очень много вопросов, а ответы быстрыми штрихами помещала в своей книжечке, где на обложке красовались инициалы колумнистки «Г.М.» – Гроза молния.

А позади неё, сидя на подоконнике витражного окна, затаился крупный человек, чистивший кинжалом грязь из-под ногтей. Сим сразу же отметил на одной из рук солдата пять звезд... Пусть Воленс и не был солдатом, но Звезды Смерти узнать мог и знал, как этот солдат их получил. Пять раз оказаться лицом к лицу со смертью и пять раз выжить. Сыщик испытал это всего раз и считал, что ментально остался травмирован на всю жизнь: боязнь денег, заработанных нечестным путем, вечное заикание и попытка найти себя среди масок мошенника... это похоже на психологическую травму.

– Благодарю за внимание газеты, – Нергал Селл даже при-

поднялся на кресле и пожал обеими руками ладонь Грозы Молнии. – Народ нельзя кормить неведением. Ваша газета дает пищу умам голодающих, а это залог здорового общества.

О том, что газета всовывала в умы сплошной фастфуд сомнительного производства, никто не говорил. Главное, что умы действительно этим питались и превращались в неповоротливые глыбы, которые не могут сдвинуть свою точку зрения в какую–либо иную сторону.

Журналистка дежурно улыбнулась и быстрым шагом удалилась прочь. Агенты остались главным объектом интереса нового градоправителя. Тот смотрел на пришедших с полухмылкой, которая не выражала ничего, что могло предвещать хороший день.

– Сим Воленс... рад, наконец, познакомиться лично. Вероятно, вы первым поняли, что, работая на старину Эди, вы, в том числе, работаете и на меня, – заговорил Нергал Селл. – Мне бы хотелось знать, как идет дело о... произвольной детонации на рыночной площади? Это как–то связано с последующим землетрясением?

– Не больше, чем вы уже знаете, э-э, сэр, – ответил Сим. – Жду отчета от главы гильдии воров и ответа по моему запросу в Ведокторию. Алистер Лоу должен, э-э, прислать того, кто разбирается в древних языках. Сразу после, э-э, смогу продолжить расследование.

– Ты лишний раз доказал, что Эди не зря сохранил те-

бе жизнь, – ухмылка Селла излучала так много дружелюбия, что Сим не позволил себе в нее поверить. – Но не всегда же рассчитывать на других. В отличии от моего преемника, я отношусь к отбору персонала чуть строже. Считай, ты на испытательном сроке, Воленс. И сейчас тебе следовало бы спуститься вниз, в свой кабинет. Вероятно, тебя будут там ждать. Было бы очень мило с твоей стороны не умереть. Предупреждаю тебя об этом только потому, как считаю себя хорошим начальником.

– Э-э, сэр...

– Ступай. Мне нужно поговорить с Кьерлохом на тему организации нашей дальнейшей работы... и если хочешь доказать свою профпригодность, прекращай пользоваться моим именем. Месяц. Если сможешь выжить месяц, останешься на том же месте и на тех же условиях, что и были. На этом разговор окончен.

Компромиссов и вопросов в этом тоне быть не могло. Сим это чувствовал. Он это видел, как видел всякую свою фантазию, созданную чередой догадок и умозаключений. Интуиция слишком ярко нарисовала лабиринты темниц под башней, слишком ярко нарисовала клопов и смердящую солому. Ослушиваться таких приказов нельзя...

Именно такой вывод сделал детектив, прежде чем сочувственно зыркнуть на эльфа и удалиться за пределы кабинета. А опускаясь на этаж своего кабинета, Воленс начал понимать, что между его лопаток потекла капелька пота, а сердце

только сейчас стало биться в привычном размеренном ритме.

А ведь Сим не испугался даже тогда, когда увидел дверь в свою каморку: запорный механизм дверной ручки стоял не в том положении, в каком его оставляли. Нет, проникший определенно пытался вернуть ручку в исходное полуопущенное положение, но не рассчитал, что мест «клина» у этой ручки может быть много, и место «клина» при каждом уходе из кабинета менялось. Сейчас ручка находилась на четвертом запоре. Проблема обстояла в том, что Сим оставлял её на втором.

– Дилетант..., – пробурчал себе под нос Сим и вошел в дверь.

В нос ударили запахи эфиров, скипидара и крови. В глаза сразу бросался приличный набор алхимика: перегонные кубы, трубчатые магистрали, реторты, адские камни, печи для дистилляции и калькации, куча книг, одна из которых стояла раскрытой на вершине пюпитра. На железной скобе, вбитой в стену, висела клетка с цветастым попугаем–матершинником...

Дубинка вылетела Из-за двери, но для Воленса это не стало неожиданностью. Он даже видел, как нырком уйдет под дубину, как вытащит из кармана руку и без замаха вдарит латунным кастетом под дых нападавшему. Прочие варианты будущего разбегались в тысячи направлений...

Так и случилось. Удар прошел быстро. Жертва ахнула,

взметнулись длинные волосы. Носком сапога Сим подцепил ногу нападавшей, потянул на себя, заставляя ту сесть на шпагат. Девичье лицо с надеждой взглянуло на сыщика, когда тот перехватил наемницу за шею и, перекинув через бедро, приложил о дощатый пол, навалившись сверху.

Поднялась пыль. Затряслись реторты, колбы и мерные мензурки. Подскочил и свалился попитр.

– Можно было и нежнее... – откашлявшись, выдала нападавшая.

– Я, э-э, сторонник равноправия...

– Что мне в спину упирается?

– Похоже, это то, что я, э-э, постеснялся пустить в ход...

Лицо наемницы на секунду окаменело.

– Кинжал, леди. Всего лишь, э-э, кинжал, десяти дюймов длиной, с авторской рукояткой и обоезаточенным лезвием. Им меня пытались убить прошлым, э-э, вечером. Не успел продать. Я, э-э, успокоил вас?

– Вполне...

– Прошу, э-э, не дергайтесь. В противном случае, удар может прийтись по голове... а это несколько, э-э, меняет взгляды на жизнь и помогает наладить режим сна.

Наемница пару раз дернулась, но очень скоро поняла, что держат ее крепко, а угрозу насчет удара по темечку следует воспринимать буквально. Человек, лежавший поверх неё, определенно не отличался той мужской гордостью, которая не позволяет бить женщин.

Увы, таких было большинство. А этот хотя бы предупредил, что ударит по голове, а не делал это сразу же.

– Все–все, лежу спокойно... – уткнувшись носом в пол, сказала девушка и расслабилась.

Сим проверил глазами место, где еще могли бы скрываться люди в комнате. Такое место было только одно, и оно стояло прямо перед носом – стул на колесиках. Удивительное изобретение, на котором сейчас восседал некто, закинувший ноги на стол. Это определенно был представитель рода табакси: кот переросток с вылощенными белыми усами, рыжим, цвета свежего хлеба, окрасом. Впрочем, большая часть шерсти его скрывалась под скромной одеждой такого же скромного джентльмена.

– Мне нравится, что я вижу, детектив, – разворачиваясь, заговорил кот. Зеленые глазки стянулись в узкие щелочки–ромбики. – Вы не так ущербны, как мне казалось. Быть хищным кроликом... в пределах Ронда это сложно.

– Я, э-э, справляюсь, сэр.

– Не сомневаюсь. Чего нельзя сказать о вас, Лайка. Наставница Эндшпильфорт рекомендовала вас, как весьма талантливую в своем деле...

– На меня приняли, э-э, контракт? – удивился Воленс.

– Мэтр Штирлиц был расстроен тоном, которым вы ведете дела, – помечая что-то в небольшой книжонке, продолжал кот. – Если раньше ваше имя было в братстве с пометой «эксаменикадо», то с уходом мэтра Рамы от дел, под-

крепить вам эту помету нечем.

– И... э-э, не подскажите нынешний курс на мою голову?

– О, с превеликой радостью, – ослабился табакси и принялся быстро–быстро перебирать ноготком страницы своей книжечки. – Сто двадцать три безанта, пять марок и восемь грошей. Вероятно, после неудачи мэтрессы Лайки цена незначительно поднимется. Но разница будет пару марок, так что не беспокойтесь.

– Удивительно. А для чего, э-э, здесь вы?..

– Вы вероятно меня уже знаете, но из приличия представлюсь. Мое имя Леопольд Живчик, – представился табакси. – На сегодняшний день, посредник гильдии воров и братства. Учитывая, что нападение не увенчалось успехом, и вы ещё живы... смею передать вам это. Это. И во–о–от это. Сотрудничество с вами никто прекращать не намерен. Пока ваша смерть потенциальна, она не должна мешать бизнесу.

Сим уже стянул руки наемнице, а потому кивком поблагодарил кота и принял бумаги. Три конверта, два из которых были больше, чем последний, и имели на себе печать гильдии воров и братства.

Лайка под коленом заерзала и задергалась, но порвать бичеву так и не смогла. Не помогли ей ни уловки наставницы Эндшпиль, которые позволяли выворачиваться из самых крепких стяжек на руках, ни спрятанная в рукаве бритва. В основном, потому что этой бритвы на месте не оказалось.

Присев на край тумбочки, предварительно стряхнув на

пол часть книг, Воленс принялся педантично вскрывать одно письмо за другим, делая это тонкой полоской металла, которую стащил из рукава нападавшей.

– Э-э, а с каких пор угрозы от братства стали присылаться почтой? – читая одно из писем спросил Воленс.

– Не могу знать, – ответил Живчик.

– С этого года... – пробурчала Лайка. – Раньше нанимали мальчишек... а сейчас стража крутит их за нелегальный доход, ибо курьерская работа облагается налогами.

– Как все, э-э, законно.

– А то! У меня и разрешение на ваше убийство есть! – голос Лайки прозвучал гордо.

– Я в вас, э-э, не сомневался. Вы ведь законопослушные граждане, – ответил детектив.

Уже открывая второй конверт, Воленс заметил, что Леопольд Живчик встал со стула, и, глядя в покрытое черными пятнами зеркало, поправил изящный багровый галстук. Усы кота при этом ходили вверх–вниз, а из глотки раздавалось тихое урчание.

– Всего доброго, мистер Воленс. Рад был не застать вашей кончины, – поклонился кот и вышел за пределы кабинета, прежде чем «мистер Воленс» захотел что–либо ответить.

В письме от гильдии воров были списки Именованных с графиками, внеурочными, дежурствами, курсами по повышению квалификации и командировками. Скобочкой даже были прикреплены их финансовые выводы из «общака»

и транзакции в банк. Сделано это было для полноты картины и исключительно, чтобы щелкнуть Воленса по носу. Мол, «подкопайся».

– Сим! Сими! Наконец, нашел тебя! – в кабинет закатился пухлого вида человек, с сальной бородкой и отменным, но старым костюмом. Увидев связанную Лайку, он тихонько ойкнул и продолжил уже шепотом. – Симчик, а кто это?

Воленс продолжал, прищурившись рассматривать имена в списке Штирлица, отмечая в памяти отдельных личностей. Как оказалось, гильдия разрослась от горизонта до горизонта, и Именованных в её рядах стало намного больше.

– Это, конечно, не мое дело, но... – не выдержал пришелец.

– Она пыталась меня убить.

– Э–во оно как. И как, получилось?

Сим отвел взгляд от бумаг только для того, чтобы узнать, не шутит ли стоящим рядом с ним человек. Воленс знал его по долгу службы: Дюдик, местный канцлер, который переходит по наследству от одного градоправителя к другому. Не самый умный представитель рода, который считается разумным, но того, что он имеет, достаточно, чтобы не затевать интриг и выполнять механическую работу.

– Да. Получилось, – ответил детектив, намереваясь проверить дедуктивные навыки Дюдика.

– А... – искренне расстроился пухляш и привалился к стенке. – А кто... кто мне речь исправит? Нергал объявил

амнистию и попросил меня написать пару слов...

Сим не выдержал и вырвал из рук Дюдика пару бумаг, исписанных аккуратным каллиграфическим подчерком. Нашував Где-то под своей филейной частью автоматическое перо, детектив принялся править, зачеркивать, доставлять запятые, где это необходимо, и зачеркивать их там, где даже аргумент «авторская пунктуация» и «я так чувствую» не действуют.

– Э-э, не думаю, что слово инаугурация в нашем случае удачно ляжет, – дойдя до последнего абзаца, прокомментировал Воленс. – газета зацепится. И, э-э, вполне возможно, императрица это сочтет изменой. Мы просто вольный город. Э-э, предпринять меры? Я бы сказал, что лексическая несочетаемость. Э-э, парный союз «не только... но и» главную конструкцию рвет. И в деепричастном обороте причастие здесь лучше, э-э, не использовать. Объект и субъект не соотносятся, э-э, по действию. Дальше по мелочи... Хорошая речь.

– Ты правда так считаешь? – уже и забыв, что считал своего друга мертвым, просветлел Дюдик.

– Несомненно.

– Спасибо! Я... Я тогда пошел готовиться к произнесению! Амнистия! Начать все с чистого листа! Народ ждет пламенной речи, и я им её дам!

Толстячок, поправив лямки подтяжек на штанах, выкатился обратно в коридор. Воленс остался стоять в легком

недоумении и ему даже стало немного легче, когда похожий взгляд он увидел на лице наемницы Лайки.

– Наверное, э-э, жмет в запястьях, – поинтересовался Воленс.

– Есть немного, – скромно пожаловалась Лайка.

– Это, э-э, хорошо. Так и должно быть.

Третье письмо детектив вскрывал особенно осторожно, потому что оно не имело ни одной подписи, печати или инициала. Внутри могло оказаться что угодно, но оказалось то, что заставило сердце Сима биться чуть быстрее и чуть сильнее.

Там была вырезка из газеты «Золотое руно» с заголовком «Лингвофрики вышли из тени! Скажем «спасибо» нет!». А так же письмо, где красовался до боли знакомый, до боли неприятный подчёрк.

«Надеюсь, ты не забыл, на чьей стороне»

Воленс выказал свои ощущения вздохом.

Лайка выказала свои ощущения выдохом.

Попугай выказал свои ощущения матом.

***

– ...а теперь, смотрите, какой оптимизм! «Но не хочу о други умирать! Я жить хочу!.. чтоб мыслить и страдать...» Мыслить и страдать – в страдании нет ничего плохого! – расплылся Левитан, цитируя одну из множества строчек, какие запали ему в душу.

В кабаке «Кошачий рай», которым правила госпожа

Изольда, было очень много кошек. Что удивительно, все эти кошки собрались и уселись в ногах, на коленях, на плечах и даже на голове Левитана. Правда, в кустистой шевелюре сидел не совсем кот, а скорее котенок, причем имеющий причудливые две пары крылышек: одни перепончатые, другие с перьями, что могло говорить о интересной родословной этого малыша, в которой мог быть и знакомый дракончик Игорь.

Напротив Левитана сидела тройка амбалов: два борода-тых гнома, которых, как выяснилось, звали Билли и Бобс. А так же их идейный лидер Крутенбах, знающий самый популярный из языков мира – язык боли. Он был настолько огромный, что касался макушкой потолка. Однако сейчас он улыбался, поглаживая свернувшегося в огромных ручищах пепельного котенка.

Вышло так, что Левитан покинул поместье своей любовницы Адель через парадную дверь... правда, только на утро следующего дня, переночевав с винной бочкой, которая к тому же оказалась ещё и пустой. А выйти через главную дверь ему позволили исключительно для того, чтобы зайти в палисад и под смехи трех надзирателей выкопать себе могилку, в рядах неприметного кладбища. Хозяин дома в экзекуции участвовать не захотел и в этом была определенная удача. Левитан знал о своих ораторских качествах, знал и то, что может и умеет успешно располагать к себе людей.

Слово за слово, Левитан уже стал для трех надзирателей

не просто изменщиком, а личностью. Затем прозвучала история о первой несчастной любви, которая, о чудо, была и у гномов, и у Крутенбаха. Сказитель не перебивал и вставлял слова вроде «какой ужас», «ты сильный мужик, Бобс», «не представляю, как сам бы это пережил...», а затем похлопал низкорослика по плечу. Опять слово за слово, и Левитан невзначай оговорился про политику и четверть часа участливо кивал на заверения каждого из тройки о том, что правительство надо менять...

...кто же знал, что желания сбываются так быстро.

Сказитель не поленился похвалить мнение каждого и отметить, что будь у власти такие как они, мир бы обязательно стал лучше...

...если не развалился в первые часы.

Гном–Билли в какой–то момент так растрогался, что предложил Левитану помощь. Правда, как оказалось, он предлагал помочь с ямой, чтобы пленник мог перед смертью как следует надышаться. Слова гнома звучали так искренне, что отказаться казалось дурным тактом. Однако когда с ямой было покончено, сказитель робко предложил чуть увлажнить кадыки уставших ребят в ближайшем кабаке. А чтобы начальник ничего не узнал, все трое скажут, что Левитан, коварный горе–любовник, перелез через забор и организовал побег! В конце этот самый горе–любовник добавил, что за поимку беглеца всем троим может сулить небольшая премия...

Будучи изначально не самого далекого ума, а скорее очень даже близкого, конвоиры сопротивлялись идее недолго, отправившись в рекламированный Левитаном кабак под названием «Кошачий рай».

– Вот это–то да–а–а–а, – потянул внезапно гном Билли, лакая из кружки бренди. Гномы по своей натуре устойчивы к ядам, а потому алкоголь их брал исключительно огнеопасный. – Линтерантура! Слышите, как говорит? И по делу, и красиво!

– Бескомпромиссно, – вставил Крутенбах с улыбкой блаженного на устах. Пепельный малыш в его руках потянулся и задрожал всем тельцем, нежно выпуская ноготки.

Левитан в знак согласия приподнял кружку, а затем, не стягивая с лица добродушной улыбки, снял с головы крылатого представителя рода кошачьих. Поправив встревоженные волосы, он поднялся и сказал:

– Вынужден оставить вас, дорогие мэтры! Дама бы сказала, что ей следует припудрить то, что не пудрится, или обновить прелести женского туалета, но я скажу, что тревоги и пиво сегодняшних дней остро требуют от меня определенных мероприятий! Если позволите, я на пару минут вас покину.

Трое конвоиров, занятые обсуждением концепции страданий и вопросом, почему страдания, это не так плохо как кажется, вольно махнули в его сторону рукой. Только громила Крутенбах в последний момент положил ладонь на грудь

сказителя, – которая, к слову, была едва ли меньше этой груди, – и медленно перевел на того спокойные темные глазки:
– Подойдешь к выходу, сломаю ноги. Это бескомпромиссно.

Левитана только и хватило на то, чтобы нервно хихикнуть и выдать какие–то слова уверения, что он ни в коем случае не подойдет к выходу. Только после этого, державшая его ладонь опустилась на загревок мурчащего котенка. Сказитель же уже успел пожалеть, что десятью минутами ранее, рассказывая о «бескомпромиссности» местного диктатора, научил Крутенбаха этому новому слову. Оно пришлось последнему настолько по душе, что все в его устах стало «Бескомпромиссно».

Прежде чем дойти до местной уборной, Левитан миновал две драчки, одну попойку, три стола, где разложились карточные игроки, и группу пилигримов, которые сидели у очага на небольшой скамеечке, как голуби на свинцовых трубах. Прощмыгнув под носом у пары матросов, сказитель ловко скользнул мимо уборной и взобрался по лестнице на второй этаж, где располагались комнаты и кошачьи лотки.

Лавируя между блюдечек и мисочек, чудных поилок и когтеточек, уворачиваясь от трубчатых переходов между кошачьими домами, Левитан едва не сбил с ног вышедшую из подсобки госпожу Изольду – хранительницу местного очага.
– А, это ты, стало быть... – с должным отсутствием энтузиазма удивилась Изольда. Выглядела она как женщина,

повидавшая мир в таких его красках, после которых видеть ничего и не хочется. Блеклая юбка из портовой парусины и кофта из мешка лишь острее об этом намекали.

Вернувшись на пару мгновений в подсобку, Изольда вынесла оттуда деревянную торбу с инкрустированным покрытием и изящными гравировками. На той же руке у нее весела походная сумка, подшитая снизу и по бокам прочной шкурой.

– Все, как оставлял. Правда, малыш Сильви пометил тебе суму, ... а у него, ты понимаешь, проблемы. Выделения немного кислотные. Доктор сказал, мне ещё повезло, что он огнем не плюется и не пытается превратить свой кошачий домик в сокровищницу.

– Хм... позволю себе предположить, что Сильви – это...

– Да. Это он. У меня не так много крылатых котов.

Левитан пожал плечами, мол, бывает. За свои путешествия он насмотрелся и не такого. Но оплавленная дырочка на боку его сумки слегка омрачала настроение тем фактом, что этот кот вполне мог по своей природной вредности сделать свои дела на голову Левитана, пока коротал там свои свободные кошачьи часы...

– Благодарю за помощь, госпожа Изольда. Я обязательно буду пользоваться вашими услугами и впредь. Обожаю профессионалов! Господь, любой, который меня услышит, храни специалистов своего дела! Вот ваши положенные две марки, – достал и отдал серебро фольклорист. – И ещё три мар-

ки за веревку с узелками, которую я заприметил при первой встрече. Парадный вход для меня закрыт... так уж вышло, что мои спутники обязались сломать мне ноги, если я к нему подойду. Было бы очень любезно с вашей стороны дать мне доступ к одному из ваших окон.

– Три марки...

– У госпожи Троекур, с улицы Разбитого Яйца, такая веревка стоила именно три марки.

– Может подождем, а? Тебя эти недалекие хватятся, а там и цена вырастит. Вот ты... ну-у-у, какой твой цвет любимый?

– Госпожа Изольда...

– Исключительно из любви к тебе, Левитанчик! – пропыхтела Изольда и вернулась с той самой сегментированной веревкой с десятком узелков, которые образовывали лесенку.

Именно так Левитан Осквернённый клинок выбрался из очереди силков, расставленных судьбой, проскочил под зубами мстительного зверя и попутно этому ещё и выпил неплохого пива в компании превосходных слушателей. Мысль о Крутенбахе, который со спокойным выражением лица ломает ему ноги, слегка омрачили приподнятое настроение, но сказитель быстро пришел в себя.

В конце концов, по статистике, он ещё ни разу не умирал за время своих походов. Более того, всегда выбирался целым, если не считать тот случай, когда он прятался от оскорбленного муженька в дремучем кусте терновника.

Именно так в анналах писателя появились слова «продирающие ощущения».

Сам же Левитан не понимал злобы в свою сторону. По большей части, он и не знал, что девушка, с которой получилось провести одну или несколько ночей, – хранительница очага какого-то мужчины. Те зачастую снимали обручальные кольца. К тому же, если у этих олухов, которые называют себя мужчинами, не находится достаточно времени, чтобы выслушать свою женщину, понять, сделать пару комплиментов и подарить удовлетворение, то зачем злиться, если это делает кто-то другой?

Собиратель сказок и сам был женат. Да, по расчету. Да, для родового союза и укрепления аристократической крови. Со временем их чувства друг к другу можно было даже назвать любовью. Спокойной, дружеской, с элементами, которые дружескими назвать сложно. Но никто никого не ревновал, а с любовниками и любовницами обходились осмотрительно, а иногда даже с интересом. Левитан помнил, как испытал легкую гордость в тот момент, когда его жена Агнесса заметила одну из любовниц и даже взяла её в свое пользование. Вот, что значит хороший выбор – даже жена засматривается.

На улице Рондарка светило яркое солнце. Тени на его фоне смотрелись ещё темнее, чем обычно. Левитан примерно понимал, где находится, и двинулся напрямиком к Пролетарской улице, где стояли самые крупные храмы посвященные

Семерым, и проходили самые батальные демагогии. В таких местах легко затеряться в толпе.

А толпа там собралась приличная. Как заметил Левитан, выглядывая из улочки, на Пролетарской проходили дебаты. По левую сторону от врат Пантеона высились возведенные подмости, увешанные красным шелком и знаменами участников. Около подмостков собрались зеваки, среди которых Левитан мгновенно растворился, принявшись рассматривать подиум.

На плечо сказителя плавно спикировал представитель рода пикси. Три дюйма ростом, маленький, с прозрачными крылышками и парой звенящих колокольчиков на груди: без них Рондарк отказался принимать феечек. Информация в подобных городах стоила дорого, а звон зачарованных колокольчиков помогал хотя бы понимать, что за тобой следит что-то маленькое и ушастое. Если пикси видели в городе без колокольчиков, того ждало весьма печальная кончина зазевавшегося слепня.

Еще Левитан знал, что у пикси нет имен. Они, как и тролли, предпочитают, чтобы их назвали Пикси и Тролль, минуя имен собственных. Некоторые генеологи даже предполагали, что оба вида вышли из одной родовой ветви. Единственное, что смущает ученых, – габариты, которые, мягко говоря, разные.

– Вот так заруба–то начнется! – пропищала феечка. – Обожаю когда эти кретины жопы друг другу рвут.

– Я здесь новенький. Не введешь меня в курс дела? – спохватился Левитан.

– Да! Куда же нет? Во–о–о–он те, – маленькая ручка показала на левую часть подмостков, где разминалась, словно перед боем, группа людей в черных рясах. – Вишь знамя их? «Азь» в щите на белом фоне. Эти олухи называют себя «Слово несущими».

– Боюсь спешить с выводами, но несет от них образованием церковной приходской школы и, кажется, подгнившей капустой.

– Да-да-да! На лету хватаешь, брата-а-а-н, – щёлкнул маленькими пальчиками Пикси. – Лингвофрики. Гроза Молния их так назвала, а оно и прижилось. Всякую ересь про слова выдумывают, а институтки с Ведоктерии пытаются убедить их в том, что они кретины. Хотя, там под конец уже и не ясно, кто есть кто. Зубы скалят и те и другие. Же-е-естяк, как сказала бы моя покойная матушка.

– Соболезную...

– Не стоит. Она часто по вторникам умирает. К четвергу уже как новенькая... просто батя её как-то с фениксом что-то шуры муры водил, а потом... а впрочем не важно. Гляди-ка, начинается!

Ударил гонг.

Звон оживил толпу, возбудил внимание, поднял свист и ропот в поддержку той и иной стороны. Некоторые голоса вовсе просили пропустить момент с дебатами и перейти сра-

зу к мордобою, на результаты которого уже принимали ставки.

Представители своих команд поприветствовали зрителей и взбирались по лестницам за высокие кафедры, под которыми громоздились десятки деревянных кружек с водой. Все знали, что на настоящих дебатах политики держат при себе стакан воды исключительно для того, чтобы плеснуть ею в неугодного депутата. Более того, все считали, что одного стакана зачастую бывает мало, и лучше иметь в запасе еще пару десятков штук и несколько ведер для перезарядки. Были прецеденты, когда эту воду предварительно кипятили...

Представитель лингвофриков, признанный академик (правда, признанный самим собой и своими учениками), театральным жестом прекратил ропот толпы. Получилось это не сразу, Из-за чего театральный жест в какой-то момент превратился в дикую жестикуляцию активного дирижёра, но люди затихли.

– Господа... джентльмены, – обращался к народу академик. – Мы встречаемся здесь уже третий раз. Третий раз я несу вам слово истинное, не оскверненное лапами резких коннотаций и дерзких интерпретаций!..

– СПАСИБО за такую щедрость, – перебил лингвист за кафедрой противников. – Ваши слова БЕССМЕРТНЫ и, что уж говорить, БЕСЦЕННЫ! Ещё раз вас за это БЛАГОДАРИЮ!

Говорил это заросший юноша с усталыми глазами, в кото-

рых отпечаталось клеймо того, кто работает по педагогическому направлению. Левитан знал, что приходские школы, дети и волонтерская работа делает с людьми, а человек перед ним иллюстрировал эти изменения как справочник. Заметил писатель и акценты, поставленные на определённые слова, после чего хихикнул. Он пару раз читал сомнительные статьи, в которых говорилось, что некоторые слова «вредные». В некоторых есть бесы, другие – выражают «высшую степень действительности», а это посягательство на божественное и много–много другого...

По толпе прошлись смешки. Академик стиснул зубы и кулаки, а один из глаз у него зажил своей очень нервной жизнью. Некоторые даже присвистнули, когда бровь лингвофрика сделала волнообразное движение на вспотевшем лице и едва не закрутилась в спираль.

– Это варварство! – вскипел академик и ударил по своей кафедре. Вода с опрокинутых чашек полилась вниз на подмости. – Вы должно уважать слово, мистер, если пользуетесь его благами! И этот человек учит детей грамоте... ТЬФУ! Бездарь! Слово... О БОГИ! СЛОВО было началом того, что нас окружает! СЛОВО, соткавшее мир из света звезд и космического эха! Именно СЛОВО позволяет магам Ведоктерии подчинять себе сырую материю иных пространств и использовать во благо! Вера в слово угасла и...

– Излишняя сакрализация слова... Асбен, вы знали, что для людей с таким синдромом есть отдельный корпус в

Шутовской Башне? Вы могли бы найти там исключительно большое количество последователей! К тому же, чароплеты еще поглядели на обезьян и поняли, что слова – это хорошо, но если помахать руками, эффекта будет больше.

– ДА КАК ТЫ СМЕЕШЬ! – давясь слюнями, выкрикнул академик, а затем его налитые кровью глаза опустились ниже, туда, где стоял Левитан. На плече сказителя, привалившись к шее, стоял пикси, накручивая на руку вьющийся локон писателя. – Вот вы! ВЫ, мистер, скажите мне! Скажите, что чувствуете! Вы когда-нибудь назвали бы свою даму сердца... «ценной», с ТОЙ САМОЙ приставкой?

– Вы хотели сказать бесценной? – легко подхватил Левитан. – Уверяю, я делал это так часто, что уже и не сосчитаю. И прошу заметить, что ни разу не лгал... что бы там они не говорили. А если вас так смущает, что в этом слове спрятался бес в приставке, то уверяю, этимологически там все ещё з-ет на конце. Банальное смягчение. Если же вас смущает прямое значение, мол, «бес имеет цену», то это исключительно ваша проблема, ведь слова наделяются значением не сами. Значение им дает человек.

– Вы такой же олух, как и остальные... – отмахнулся академик.

– Я, кажется, читал ваш трактат «Похвала умирающему слову». Ваше имя ведь Асбен Лингвик? – спросил Левитан.

– Вы абсолютно правы! – мгновенно смягчился Асбен и вернулся глазами к сказителю. – Вероятно, вы все-таки не

пропащий случай. Скажите, вам импонировал выраженный мною концепт?

– Боюсь... я не смог полностью оценить ваш опус. Тот экземпляр, который я заприметил, находился в уборной общежития и использовался для... безусловно важного дела, – на этой фразе лицо Асбена налилось кровью и даже надулось, приняв форму очень близкую к сферической. – Но концепт транскрибированного перевода иностранных текстов и буквальный перевод некоторых слов вызывал у меня приступ смеха. Это абсолютно антинаучно. Как и история о словах мерзавец, подлец и сволочь... Если вы стремились написать беллетристику, то я готов аплодировать вам стоя!

С каждым словом Асбен закипал, краснел, и могло сложиться впечатление, что он собирается взорваться. Зеваки, пришедшие посмотреть на зрелище, хихикали и открыто насмехались над стариком, но потенциального взрыва боялись и пятились. Гвалт под трибуной заглушал очень многое, что кричал академик, но Левитан сумел уловить пару крайне нелесных слов на букву П, три слова на Х, два на Ж и ещё пару слов, которых он не слышал и обозначил у себя в голове как очень занимательные диалектизмы.

Из группы «Несущих слово» отделился маленький сторбленный мальчишка. Изнеможённый вид делал из него праведного мученика, о котором когда-нибудь напишут житие. Желтая, местами зеленая, кожа на лице мальчишки блестела от пота, а усталые глаза уставились на Левитана с такой прон-

зительностью, которая заставила сказителя задержать дыхание и попятиться. Что-то пугающее смотрело глазами этого мальчика, доисторически древнее, взывающее к первобытному ужасу.

Расшумевшиеся зеваки один за другим принялись затахивать. Если воплей Асбена уже все успели наслушаться и заскучать, то новый оратор мог принести в «дебаты» новую порцию веселья.

– Ты забыл, для чего было создано слово, – заговорил мальчишка тихо, но в леденящей тишине его голос звучал отчетливо и ясно. – Все забыли. Даже ты. Твои слова одичали, их истерзали желания, потребности. Они утратили свое истинное значение. Ты наряжал ложь в истину, бессмыслицу старательно обрекал на смысл, а теперь смеешь обвинять в этом других... Люди за моей спиной ничем от тебя не отличаются. Но они знают, где искать. И будут искать, пока не откроют истину в своем... сердце. Новую форму слова. И я им в этом помогу. Пока ты создаешь миры на бумаге, они сотворят мир, который можно видеть, чувствовать и обонять...

Мальчишка закусил губу и скрючился ни то от боли, ни то от иных чувств. В конце он даже улыбнулся, что могло бы выглядеть дружелюбной, искренней улыбкой, если бы глаза парня не искажала агония. Однако голос обладателя этих глаз не дрогнул:

– ...если ты захочешь приблизиться к тому чего ищешь, найди нас. Приди, и я укажу тебе тропу, где хранится шепот.

Я научу тебя слушать чернила.

По какой-то причине Левитан прослушал всю эту речь молча, не бросив в сторону мальчишки ни единой остроты. Что само по себе было чудо. Единственные представители рода человеческого, кого сказитель мог слушать не перебивая, – это женщины, с важной ремаркой, что они стали девушками по факту своего рождения и соответствовали определенным вкусам писателя. Мужчины становятся весьма чуткими и понимающими, когда дело доходит до того, чтобы выслушать девушку, которая им нравится.

Здесь же случилась ситуация из ряда вон...

– А-а-а... – потянул Левитан, надеясь, что годы риторической практики помогут ему реабилитироваться.

Но на его плечо легла тяжелящая рука, которая могла принадлежать только одному человеку, находящемуся в Рондарке. Крутенбах смотрел на писателя сверху вниз: одной рукой он держал дымчатого котенка, блаженно растелившегося на окорокоподобной лапище верзилы.

– Ты же помнишь, что я говорил про ноги? – спросил наемник во все той же спокойной манере, в которой говорил всегда. – Это бескомпромиссно. Надеюсь, ты понимаешь.

Левитан улыбнулся и почувствовал, как под ладонью великана брыкается и мычит придавленный пикси, побряхтывая колокольцами.

Пространство содрогнулось, завибрировало, и над городом раскатился громоподобный голос:

– ЖИТЕЛИ РОНДА! ОТ ИМЕНИ ОБЩЕГО СОВЕТА КОЛЛЕГИИ МАГОВ, ВЕДОКТЕРИИ И ИМПЕРСКОГО ВОЕННОГО КОНВЕНТА ГОРОД ЗАКРЫВАЕТСЯ НА КАРАНТИН! ЛЮБАЯ ПОПЫТКА ПОКИНУТЬ СТЕНЫ ГОРОДА БУДЕТ РАСЦЕНИВАТЬСЯ КАК УГРОЗА ИМПЕРИИ! ПОДОБНЫЙ АКТ АГРЕССИИ РАСЦЕНИВАЕТСЯ КАК ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ И КАРАЕТСЯ СМЕРТЬЮ!

Крутенбах поднял глаза лишь на секунду. А когда опустил их назад, Левитана под его рукой уже не оказалось.

***

Закончив свою непродолжительную речь, маг первого порядка Эштон Сэй-мэй прокашлялся и вернулся к столу. Заклинание, заставившее слова прозвучать над всем городом, сильно сушило горло, и он поспешил запить это чувство разбавленным вином, которое так удачно поднес дворецкий Нергала. Градоправитель вызывал у чародея откровенную неприязнь, как и большая часть людей, у которых было достаточно ума, чтобы не писать на лбу свои мысли. Непринужденная улыбка, раскрытые руки, развязные жесты – ни одного движения, выдававшего напряжение.

Дворецкий с пустым подносом прошелся мимо мага и занял место за левым плечом господина, выпрямился и направил взгляд перед собой, ничем не отличаясь от огородного пугала.

Эштон сощурил глаза и попытался приглядеться в этого дворецкого. Иногда бывает такое, что люди высоких рангов

привязывают к себе фамильяров, то есть в обиходе «демонов», способных принимать человеческий облик. Маги, даже слабого порядка, могли заметить разницу в силовом поле, но сейчас, когда Рондарк буквально плевался магией, даже такой сильный чародей, как Эштон, добился исключительно мигрени и плохого настроения.

Город под его ногами жил, дышал, и каждый вдох выплескивал в мир такое количество сырой необработанной магии, что Эштон прикрывался целым частоколом из ментальных блокад. Обладающие даром слишком остро ощущали перемены в магическом климате.

– Ещё вина? – улыбаясь, предложил Нергал, а, увидев отрицательное покачивание, продолжил. – Рондарк сейчас переживает тяжелые времена... возможно по мне не видно, но детство я провел именно здесь. Сознательное детство. И хочу, чтобы все закончилось благополучно для мира и для нас, естественно. Мне бы не хотелось портить добрые отношения с нашими покровителями и партнерами.

– Все будет решено по прибытию остальных, – протараторил Эштон и постучал пальцами по столу. Кустистые брови мага сдвинулись. – Григорий Распутин, генерал имперской армии боевых колдунов, и Алистер Лоу, ректор Ведоктерии. В своей сумме Общий Совет решит, что делать с магическим образованием, которое вы называете Рондарком.

– Да-да, человеческая жизнь бесценна, чтобы... – заговорил Нергал, но его оборвали.

– Человеческая жизнь измеряется в человеческих жизнях. Если нужно убить сотню, чтобы спасти тысячу, долго думать не придется.

– Мы друг друга понимаем, – подхватил Нергал, прильнув губами к кубку. – И очень на друг друга похожи. Здесь, в голове, находится две сущности, Эштон. Одна очень хочет помочь людям, а вторая – боится представить, сколько для этого может умереть...

– Я видел трупы и читал газету. Видно, у вас своеобразное понимание о помощи людям. К тому же, надеюсь про сущностей вы выражались фигурально.

– Естественно, – пожал плечами Нергал. – А помощь людям... Эди Рама выжил сам себя. Я должен был ему помочь, даже если он этого не хотел.

Повисла неловкая тишина. Дворецкий, откинув полы фрака, достал из кармана золотистые часы, и, опустив голову лишь на секунду, вернул её в исходное положение.

– Через десять минут вам, господин, назначена встреча с главой гильдии торговцев нашего филиала и через пятнадцать – со следователем Рони Айландом.

– Пригласи их в галерею на третьем этаже и уверь, что я сразу же составлю им компанию, как закончу здесь, – сказал Нергал, и его помощник быстрым шагом удалился из кабинета. – Ваши коллеги задерживаются, – обращался он уже к магу.

– Проницательно, – ответил Эштон без тени усмешки. –

Город излучает серьезное поле в пяти из шести известных подпространств. Трансгрессировать к башне не представляется возможным. Очень большой шанс, что подпространство выплюнет заклинателя в виде непригодном для жизни.

– И какие могут быть последствия этого магического поля для жителей Рондарка? – вопрос звучал так, словно его задавали из приличия.

Эштон помедлил с ответом, глядя, как Нергал Селл достает из-под стола горелку: свинцовая конструкция с зажимами для зачарованного адского камня. Поверх горелки легла металлическая лунка, где уже лежали кусочки сургуча.

– Никаких. В ближайшее время. Человек обладает врожденными механизмами, обрабатывающими сырую магию из тела. Но месяц такого фона приведет к тому, что дети в утробе матери начнут мутировать. Проблемы со здоровьем: в начале ментальным, затем физическим. Массовые помешательства и галлюцинации.

– Я очень рад, что Коллегия магов на нашей стороне, и не допустит подобного в протекторате империи, – улыбаясь, отвечал Нергал, выливая из металлического блюда на конверт плавленую смесь и помечая её печаткой с перстня.

– Да. Не допустит, – подтвердил Эштон крайне неприятным тоном.

Решение за ним стояло непростое. Он был одним из директоров Коллегии Магов и его аналитика аномалии может привести как к гибели этого города, так и его жизни.

Если Ведоктерия занималась обучением юных магов, созданием артефактов и заклинаний, то Коллегия внедряла полученные знания в обиход, занималась реализацией магических услуг и следила, чтобы в широкую продажу входил только тот товар, который даже при очень большом желании не получится превратить в орудие преступления.

Не прошло и двух веков, как магов решили не сжигать на кострах, а присмотреться к ним. Такое доверие подрывать нельзя – эту мысль понимаешь лучше, если ты долгожитель, который в полной мере осознал значение фразы «история циклична».

Ирония была в том, что именно от слов мага сейчас зависело, будут ли сожжены жители Рондарка или же нет. Но ирония была черной и смеха у мага не вызвала. Он видел, как горят люди, и, будучи далеким от моральных норм, признавал эту картину скорее аппетитной, чем ужасной.

Не больше чем через десять минут в двери кабинета вошли двое, сопровождаемые вездесущим дворецким. Один из них был парнишка: совсем юный, с растрепанными волосами, словно бы он только-только проснулся. Голубые глаза паренька с интересом смотрели вокруг, совсем не отличаясь от глаз ребенка, пришедшего в этот мир вчерашним утром. Следом за ним шел тот, от кого даже Эштона бросало в дрожь: Распутин двигался ровной пружинной походкой ягуара, бросая на людей короткие, но вкрадчивые взгляды, на дне которых полыхало адское пламя. Военный черно-зо-

лотой китель с шевронами командующего боевого колдуна на этом человеке выглядели исключительно опасно. Над белой перчаткой Распутина, плавно левитировал кровавый сгусток, на поверхность которого выплывал то неистово вращающийся глаз, то вопящие в немом крике губы.

– Ух-ты! Эта башня просто супер! – первое, что сказал Алистер Лоу. Ректор Ведоктерии. – Трехфазовый заговор камня! И это во времена короля Родимира Кровавого! Найти такую сложную технику на ощупь в их время... воистину, раньше магия охотнее говорила устами магов. А эхо защитных чар над каждым порогом! Отдает модификациями апотропеев прошлого поколения приблизительно второго–третьего ранга. Не дурно, очень не дурно! Ставлю зуб Григория, что заклятье распространяющегося типа! Заговорен весь город. Только поэтому не рассыпался после землетрясения!

Мальчишка поправил рукава мантии и, наконец, обратил внимание на присутствующих, после чего помахал всем ручкой. Примечательно, пальцы ректора были сплошь и рядом покрыты чернилами, а те части, что не утратили телесного цвета, покрылись рубцами и химическими ожогами.

– О, Эштон Сэй–мэй, – ректор слегка поклонился чародею пришедшему раньше остальных. Затем повернулся к Селлу. – Полагаю, Нергал Селл? Новый градоправитель? – новый поклон к человеку в кресле. – Наслышаны. В кабаке, куда зашли мы с Григорием, только о вас и говорили. А еще подавали удивительную дрянь с плавающими глазами! Вер-

нулся во времена, когда был в подмастерье у великой ведьмы Яги!

–Если то были тосты не о моем здравии, я был бы очень признателен, если бы вы дали мне адрес этого заведения, – улыбнувшись, Нергал подался вперед и уперся локтями в столешницу.

Распутин едва заметно улыбнулся. Он ценил обходительность в работе, особенно когда дело касалось поддержания порядка. Среди молодых магов с горячей кровью лучше держать над их головами два ушата с холодной водой...

– Это не так важно, – отрезал Алистер Лоу и сел за один из свободных стульев. Из-за небольшого роста, сидящие видели только голову–прическу. –Я слышал обращение Эштона и полностью согласен с этим решением. Сырая магия живая, дикая. Находиться без природного накопителя для неё значит умереть. И чтобы не окончить свое существование пылью в космическом пространстве, она будет искать себе носители...

– Носители? – спросил градоправитель с интересом.

– Чума, холера, ползучие растения, саранча, – перечислил Эштон, сцепив руки. – Любая форма, которая позволит ей быстро распространиться и паразитировать до кристаллизации в крионит. Если магия не может самостоятельно воздействовать на человека, она найдет способ сделать это извне, пользуясь более мелкими существами, у которых врожденная защита слабее. Контролировать это будет проще, если

очаг локализовать. Да и внутренняя логика стихии перестанет порываться уйти из города через человека, если поймет, что это сделать невозможно.

– Я готов оказать любую помощь, – говорил градоправитель. – Любая ваша просьба станет для меня и города приоритетом.

Григорий Распутин, стоявший за спиной Алистера Лоу снова едва заметно улыбнулся. Затем заговорил:

– Я увидел достаточно. Город будет запечатан до устранения магической аномалии, – шелестящий голос ласкал своими нотами склизкие извилины мозга. – На время исследования Рондарк предоставляет нам абсолютную свободу действий. Также любой из членов Общего совета имеет право вносить коррективы в социальный и политический курс внутри изоляции. Это условие, которое поставлено мной от лица императрицы.

Кажется, только Эштон увидел, как правый глаз Нергала слегка дернулся. Однако тот мгновенно пришел в норму и ответил:

– Слово императрицы некогда освободило этот город. Иронично, что её же слово возьмет Рондарк обратно под крыло империи.

Распутин и Нергал какое-то время сверлили друг друга взглядами. Кровавая клякса в руках Распутина раздулась, потемнела, став едва ли не багровой, а затем лопнула. Кровь не брызнула в стороны, но, облепив невидимые стенки ци-

линдра, аккуратно стекла на пол.

– Григорий прав, – заговорил Алистер. – Также, если ты, Нергал, выявил желание нам помочь, то нам нужны полные архивы города через полтора часа на первых ярусах башни. Документы, клинописные таблички, схемы, личные коллекции или реликвии храмов. Все упоминания о Арцивусе и его некрополе. Легенды и мифы о Симбивуле, а также все фольклорные находки периода Янтарной Эпохи. Из-за сильного магического поля мы вряд ли сможем произвести сканирование подземных ярусов и геостеллизацию. Эх... а Ведоктерия может отсюда черпать и черпать! Столько дипломных работ в одном городе... Если будет возможность стабилизировать пространственно–энергетическую аномалию, это место могло бы стать отличным местом для активной производственной практики третьего курса!

Судя по горящим глазам мальчишки, подпрыгнувшего на стуле, ректор не шутил. Эштон хорошо знал этого человека по студенческим годам. Лоу был ректором на протяжении всего существования Ведоктерии, которая начинала как очень большая библиотека, которой на сегодняшний день больше пятисот лет. Время научило мальчишку многому, однако первые пару тысяч лет у мужчины всегда самые сложные, как любил говаривать ректор. Затем он менялся в лице и говорил, что не нужно торопиться взрослеть – это чревато преждевременной старостью, а он все еще планирует нажать на такую пенсию, которая сможет разорить казну империи.

Эштон кашлянул и по старой привычке поднял руку, прежде чем заговорить:

– Мы планируем изучать аномалию? Это неоправданный риск, господин Лоу. Если дикая магия войдет в резонанс с нашими внутренними резервами, мы можем попасть под волю роя.

– Этого не стоит бояться, если у вас стальная воля, – тут же ответил Распутин. – А маг на вашем уровне, безусловно, должен быть обладателем именно такой. К тому же, – он хмыкнул. – Вы призвали черта. Фамильяра. И привязали его к себе. Значит опыт в сопротивлении чужой воле у вас тоже имеется. Я прав?

Эштон посмотрел на командующего исподлобья.

– Правы, – ответил он, отметив, что Нергал Селл забавляется, глядя перебранку в рядах магов. – Но мы стоим на костях протомага. Мага основателя. Арцивуса. К тому, что может произойти, не готов никто из нас. Было бы безопаснее...

– Запечатать город, – вдруг заговорил Алистер Лоу. – проверить такой же фокус, как Содомом и Гомморой, обождать, пока ветер развеет пепел и крионит, а затем покопаться в обломках... И избавиться от единственного шанса заглянуть в гримуар Арцивуса. Ужас! Эштон Сэй-Мэй! Я помню, словно вчера, как увидел тебя на вступительных экзаменах! Увидел огонь в твоих глазах! Запал! Видел, как разгорается уголек в настоящем пламя, когда мы спустились в хранилище, где спят реликты и запретные знания! Этот город

может дать человечеству в разы больше, чем отнять. Если бы мы боялись магии, то до сих пор платили за неё людьми и домашним скотом. Магии надлежит приказывать! – черный палец Алистера стукнул по столу как деревянный. – Повторю, приказывать. Такие как мы имеем на то права и возможность. Только так можно усмирить аномалию и двигаться дальше. А главное – не бояться!

Эштон промолчал. Идея о том, чтобы лезть в недра города, из-под которого фонит манной, как из жерла средне статического генератора крионита, казалась, мягко говоря, бесперспективной. Шанс умереть намного больше, чем выжить. А ещё есть шанс превратиться в огурец, вернуться в прошлое, образовав временной парадокс, прорвать ткань подпространств и впустить в реальность тварей космической пуштоши.

– Императрица заинтересована этой миссией, – вдруг заговорил Распутин. – Война с коалицией Серафима сильно изматывает наши резервы. По мнению её Святешества, Рондарк может содержать в себе решения государственных вопросов, знания и способы вооружения боевых подразделений. К тому же, этот город снабжает армию крупными партиями качественного оружия. Терять такое слаженное фабричное производство не в планах империи.

– Мистер Лоу, – Эштон впервые позволил посмотреть на своего наставника глазами равного. Это было непросто. – Я учился в Ведоктерии. И мне известно о протоколе «Паск-

виль». Когда нашли координаты аномального образования, на место должен был выдвинуться фамильяр для составления отчета и прогнозов опасности.

Алистер Лоу кивнул, но взгляд его стал серьезнее. Жестом он предложил продолжить:

– Перед тем как прийти сюда, я воспользовался правом Высшего Доверия и запросил у библиотекаря отчет по городу Ронда... Процент опасности двести двадцать восемь процентов.

Повисла тишина. Никто говорить не решился. Эштон кашлянул, чтобы удостовериться, что время не замерло, и продолжил:

– Напомню, что максимальный уровень угрозы до этого принадлежал Каевому Кургану. Восемьдесят три процента. Восемьдесят три, учитывая, что курган содержал в себе сотню боевых колдунов и их гримуаров. Колоссальное количество магии. Фамильяры педантичны и говорить об ошибке нельзя. Рондарк опасен, и вы это знаете. Тогда почему не слушаете голос разума?

– Потому что у этого случая не было прецедентов, Эштон, – сказал, наконец, Алистер Лоу, и голос его оброс менторскими нотками, которые звучали на лекциях о «природе магии» и «психологии фамильяров». – Выброс манны колоссальный. Чтобы запечатать город, нужно находиться непосредственно в нем. В противном случае печати рассеются. А направлять сюда боевые заклинания без должного

сдерживающего фактора – может оказаться не просто плохим решением. Фатальным. Сырая магия начнет испаряться, въедаться в землю, попадать в сточные воды и всячески избегать опасной для себя среды, как только утратит привязку к своему Ядру. Пока она циркулирует по городу, как кровь по телу, ее можно считать безопасной.

Эштон выслушал речь и прикусил губу. Магическое поле вокруг города действительно не давало полностью изолировать его от внешнего мира.

– К тому же, мой друг Григорий, – Алистер снова стал беззаботным мальчишкой, указав на Распутина. – Отметил интересную вещь. Магия здесь, пусть и дикая, но привыкшая подчиняться. Она легко понимает команды чародея, питая его слова силой. Вероятно, это связано с ее природой... протомат Арцивус – один из первых попробовал записать слова силы на пергаменте. Потому, мы можем работать не только со своими резервами, но и вплетать команды в силы города и черпать силы из его ядра. Это поможет нам удержать печать над городом на время исследования, но вместе с этим, внутри окажемся запечатанными и мы.

Эштон знал, когда именно Распутин «отметил» эту интересную мысль. При появлении у того над рукой летала кровавая масса, которая, вероятнее всего, еще утром была человеком или каким-либо живым существом. Боевой колдун подвергнул его трансмутации – род заклятий, который высасывает колоссальные объемы сил. На операционных столах

обычно используют «стрелу» – хирург стоит в наконечнике, а четверка магов по оба плеча сходятся назад, передавая свои силы. И это для того, чтобы отрастить палец или часть ноги. О преобразении целого тела в кляксу и речи быть не могло – маг просто выгорит.

А Распутин делал это непринужденно, присовокупив к этому чары левитации. Держать печати над городом, имея такую подпитку, будет сущим пустяком. Но держать печати снаружи, стараясь не плыть, а сдерживать такое течение – самоубийство. Даже для таких магов как Алистер или Эштон.

– Мы должны подготовить все для возведения печатей, – наконец сказал Эштон. – Восточная площадь, где недавно произошел взрыв, хорошо подойдет. Необходимо, чтобы к утру там убрали все товарные лотки, а местные власти оцепили периметр.

– Вот! Хороший настрой, Эштон! – вскинул руки ректор, и могло даже показаться, что он хочет обняться. Но каждый, кто знал Алистера, знал и то, что более нетактильного человека найти было бы не проще, чем секрет философского камня. – Григорий?

– Я остаюсь, – только и сказал Распутин.

Какое-то время в кабинете висела тишина, прежде чем Нергал Селл заговорил:

– Судя по всему, вы решили воспользоваться нашим гостеприимством и не обрушивать на город серу и пламя. Поэтому, прошу вас проследовать за моим дворецким. Он про-

ведет вас к архиву Солнечной Башни, а затем отправит запрос по вашим темам в имеющиеся в городе кельи, храмы и часовни, в которых могли быть организованы библиотеки. Нужные приказы в отношении площади начну готовить уже сейчас. К утру, уверяю, все будет готово.

– Благодарю от всего нашего коллектива! – бросил ректор и суетливыми шажками двинулся вслед за дворецким.

Распутин ещё какое-то время смотрел в глаза градоправителю. Выдержать взгляд боевого колдуна непросто, но тем не менее, Нергал делал это с непринужденностью кота, которому приспичило понежиться в солнечных лучах. Нергал Селл указал взглядом на выход и принялся снова заниматься бумагами. Распутин какое-то время смотрел ему в затылок, прежде чем развернуться на каблуках и уйти вслед за Алистером и дворецким.

Эштон медлить не стал и двинулся следом. Его не покидало чувство, что он вляпался в очень грязную историю, от которой не сможет отмыться.

***

В проулке было сыро, грязно и пахло прелыми листьями. В грудe мусора, которая представляла из себя гнилую коробку и рваную попону, копошилась крыса. Толстая, с красными глазками, она водила носом по воздуху, вставала на задние лапки, а затем резво льнула к земле и быстро-быстро перебегала очередной зигзаг. В конце концов, забравшись в чрево очередной коробки, она нашла там человеческий палец,

который взяла в маленькие лапки и, пристально осмотрев, пискнула, вцепившись зубами в подушечку.

Крыса не успела закончить трапезу. Проход в переулок перекрыло три фигуры, одна из которых с треском обрушила кованный сапог на хвостатое животное.

– Твари, – оскалился Пей-до-дна. Блестящая лысая голова так напряглась, что покрылась волнами, словно отображая извилины под черепной коробкой. Нога головореза прижимала к мостовой хвост пищацией крысы. – Лезут из-под земли как не в себя. Раз проснулся в квартире, а там три мохнатые паскуды бегают. Ищут, где от меня кусок потолка оторвать! Все как у людей! А, Ворон?

Обладатель пяти звезд ничего не ответил. Он смотрел на крысу: грызун яростно рвался из-под ноги, дергался в стороны, кусал сапог и пищал так отчаянно, что это можно было сравнить с плачем ребенка. Проблема состояла в том, что детей Пей-до-дна тоже не любил, а точнее, любил исключительно их слабость, которая способна впитывать насилие и злобу.

Второй головорез по кличке Троль пару раз грузно хихикнул, что по звуку очень напоминало звук камня, упавшего на дно колодца. Тролем его назвали не просто так – шей он не имел, а то, что заменяло ему эту часть тела, являлось сплетением прочных мышц, обвитых выпирающими венами. Одним своим видом верзила говорил, что родившая его мать пережила очень сложный эпизод своей жизни, который свя-

зан с межвидовыми связями, а затем не менее сложный итог таких связей – роды.

– Хы-ы! – хмыкнул верзила, показав огромным пальцем на крысу. – Ты-ы-ы!

– Идиот, – только и сказал Пей-до-дна и приподнял ногу. Крыса со сломанным хвостом молнией метнулась к ближайшей щели в стене и исчезла. – Мы на месте. Кошмарная улица, дом бывшего старьевщика... ку-у-у-р-рва. Новый ботинок дерьмом крысиным заляпал.

С этими словами Пей-до-дна принялся оттирать подошву о край лестницы, ведущей в заколоченную дверь. Ворон сжимал и разжимал кулаки, чувствуя, как начинают кровоточить разодранные кисти. Краем глаза он поймал легкое движение в потрескавшемся окне, но когда внимание сфокусировалось на мутном стекле, там уже ничего не было. Но морпех точно знал, что видел, и знал, что дверь в тупике перелука ведет туда, где обитают люди.

– За мной. Тех, что внутри, берем живыми, – сказал Ворон и двинулся вперед.

– Живыми? Там кто-то есть? – бросил Пей-до-дна, отвлекаясь от фекалий на своей обуви. – Не-е-е, брат. Нам сказали месить эту нечисть. Этим я заниматься и буду. И клал я, что ты старший...

– Ты меня услышал, – бросил через плечо Ворон.

Троль снова громоздко хихикнул сконфуженному виду товарища, а затем кашлянул и затих, когда Пей-до-дна с раз-

маху вдарил локтем под дых великану. Иного такой удар свалил бы на пол, но громила заметил в этом лишь тонкий намек на то, что товарищу обидно.

Дверь в тупике поддалась сразу. Привыкшие к свету глаза не сразу привыкли к пыльному полумраку, а когда привыкли, заметили, какая разруха творится в квартире: разбросанная мебель, паутина, взорванные половицы, покосившиеся подпорки. Складывалось впечатление, что помещение в аварийном состоянии. Как и все здания, которые были посещены до этого. Все были пустые и давно покинутые.

Со входа квартира не имела коридора и расходилась сразу в три стороны, которые терялись в темноте. Только спереди виднелась лестница, контуры которой очертили солнечные лучи со второго этажа.

– Пусто, – констатировал Пей–до–дна, поднимая табуретку на трех ножках и присаживаясь у стены. – Слиняли твари...

Троль грузно прошелся вперед, изрядно горбясь, чтобы не цеплять макушкой паутину и потолок. Он нагнулся и поднял с пола деревянную рамочку: внутри, за разбитым стеклом была изрядно выцветшая картинка. А точнее девушка со светлыми волосами, белоснежной улыбкой, облаченная в синий сарафанчик.

У жителей Дальних Островов были печатлеры – приспособления, способные делать абсолютно точные портеры и пейзажи для своих носителей. В империи такие появились

относительно недавно и впоследствии обросли рядом модификаций, названных «масками», и портреты малопривлекательных людей превращали в образцы человеческой красоты.

– Что ты там нашел? – Пей–до–дна появился рядом с троллем. Он присвистнул. – Вот так краля. Я бы ей засадил по самое.. м–м–м. Дай сюда... Не хнычь и давай не тормози!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.